

№ 34. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 20 к. С.-Петербургъ, 25 Августа 1879 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новая улица, домъ № 6. Годъ VII.

Листки изъ записной книжки.

Стих. Б. Левина.

VII.

Женскія слабости, женскія слезы,
  Женская жажда интригъ...
Какъ далеко унесли меня грезы
  Нынче отъ нихъ!

Встали опять предо мной изъ былого
  Матери доброй черты,
Полныя чувства высоко святого
  И простоты.

Въ душу мою эти кроткія очи
  Пролили радостный свѣтъ
И передъ тьмой окружившей насъ ночи
  Страха въ ней нѣтъ.

Кажется вновь мнѣ въ затишьи, что кто-то
  Молится подлѣ меня,
Чтобъ дождались мы всѣ, дѣти заботы,
  Свѣтлаго дня.

VIII.

Какъ стрѣлы молніи могучей,
Прорвавъ нависнувшія тучи,
Внезапно озаряютъ тьму,
Такъ мелькомъ сказанное слово
Весь ужасъ твоего былого
Открыло сердцу моему.

Я понялъ вдругъ, какъ ты страдала,
Какъ все заботливо скрывала,
Покой душевный мой храня,
А мнѣ-то... мнѣ свѣтлѣе рая
Казалась жизнь твоя земная
Въ тѣ дни, страдалица моя!

Въ Египтѣ.

Романъ.

(*Продолженіе.*)

XIV.



ой горизонтъ заволакивается тучами. Несчастный изгнанникъ, котораго я хотѣла спасти, не покинулъ Каира. Онъ здѣсь, я его видѣла. Вотъ какъ это случилось.

Цѣлую недѣлю не удавалось мнѣ повидаться съ Адилой; наконецъ вчера я подъ первымъ попавшимся предлогомъ вырвалась къ ней. Она садилась въ карету, чтобъ ѣхать кататься и мы вмѣстѣ поѣхали вдоль берега Нила. День клонился къ вечеру. Осыпая золотыми искрами верхушки пальмъ, солнце утопало въ пурпурѣ горизонта. Налѣво отъ насъ разстилалось зеленое поле, граничащее съ жолтой полосой пустыни, вдали виднѣлись пирамиды, а направо голубой Нилъ, покрытый безчисленнымъ множествомъ лодочекъ съ бѣлыми парусами... По берегу важно прогуливаются бѣлые ибисы на высокихъ ногахъ, порхаютъ розовые фламинго надъ густой травой.

Мы весело и беззаботно болтали, откинувъ покрывала, въ полной увѣренности, что насъ никто здѣсь не замѣтитъ. Вдругъ Адила вскрикнула и, указывая на рѣку, проговорила испуганнымъ голосомъ:

— Посмотри, ребенокъ тонетъ! Онъ упалъ въ воду изъ лодки!..

По берегу, оглашая воздухъ громкими криками, металась большая толпа дѣтей. Мы приказали остановиться и вышли изъ кареты. Адила начала умолять сопровождавшихъ насъ евнуховъ и саисовъ спасти утопавшаго, но напрасно, эти люди не трогались съ мѣста и смотрѣли на насъ, выпуча глаза, какъ будто не понимая, въ чемъ дѣло. А между тѣмъ крики усиливались. Бѣдный мальчикъ продолжалъ еще инстинктивно бороться съ волнами, но исходъ не трудно было предвидѣть... спасенья ждать было не откуда. Вдругъ на дорогѣ показался всадникъ.

— Ребенокъ тонетъ! закричала ему Адила.

Не теряя ни минуты времени, всадникъ бросился въ воду вмѣстѣ съ конемъ. Мы видѣли, какъ онъ схватилъ ребенка и какъ этотъ началъ цѣпляться за него, какъ потомъ ему пришлось бороться съ теченіемъ, увлекавшимъ его съ такой быстротой, что бѣдная лошадь была не въ силахъ держаться на ногахъ... Съ минуту времени мы думали, что все кончено, что онъ погибъ, но онъ побѣдилъ опасность и, благополучно вернувшись на берегъ, положилъ спасеннаго ребенка къ нашимъ ногамъ.

Отважный незнакомецъ былъ Гассанъ.

Я была такъ взволнована, что не въ силахъ была произнести ни слова и предоставила Адилѣ благодарить его. Онъ отвѣчалъ ей на французскомъ языкѣ, съ низкимъ, почтительнымъ поклономъ... вдругъ, восклицаніе, вырвавшееся у одного изъ нашихъ евнуховъ заставило насъ опомниться и еще болѣе усилило наше замѣшательство. Дѣло въ томъ, что, увлекшись эпизодомъ съ тонувшимъ мальчикомъ, мы до такой степени забылись, что стояли передъ незнакомцемъ съ откинутыми назадъ покрывалами и открытыми лицами!

Поспѣшно исправивъ оплошность, мы собрались садиться въ карету, когда явилась мать маленькаго спасеннаго феллаха. Эта несчастная такъ апатично отнеслась къ приключенію, постигшему ея ребенка, на ея худомъ, изнуренномъ лицѣ читалось такое полнѣйшее равнодушіе къ сыну, что мнѣ стало жаль снова бросить въ жизнь, полную горя и лишеній, маленькое безпомощное существо, спасенное нами отъ вѣрной смерти. Я предложила за него деньги, торгъ состоялся очень скоро и мы увезли ребенка съ собой.

Взволнованная всѣми этими приключеніями, мы приближались уже къ городу, какъ вдругъ изъ-за стѣны, окружающей садъ сосѣда, вѣтка жасмина, ловко брошенная прямо въ окно кареты, упала на мои колѣни. Мы съ изумленіемъ переглянулись.

— Это отъ сосѣда, засмѣялась Адила. Онъ тебя узналъ и желаетъ доказать, что долгъ платежемъ красенъ.

Первымъ моимъ движеніемъ было выбросить цвѣтокъ назадъ, но я подумала, что можетъ быть Гассанъ желаетъ доказать мнѣ этимъ приношеніемъ свою благодарность и у меня не хватило духу отказать ему въ удовольствіи видѣть, что оно принято. По возвращеніи домой пришлось разсказать отцу приключеніе съ маленькимъ феллахомъ, взятымъ мною на воспитаніе, но само собою разумѣется, что о прочихъ подробностяхъ, объ имени всадника и объ откинутыхъ покрывалахъ я умолчала. Воспоминаніе объ нашей странной встрѣчѣ весь день меня преслѣдовало, а вѣтка жасмина приводила меня въ большое смущеніе. Долгъ платежемъ красенъ, сказала Адила. Стало быть ему извѣстно, что это я бросила ему цвѣты изъ окна бесѣдки. По всей вѣроятности ему удалось меня видѣть... Кто знаетъ, можетъ быть между растеніями, обвивающими проволочную сѣтку, было отверстіе, котораго мы не замѣтили...

Чтобъ разсѣяться, я начала заниматься моимъ маленькимъ феллахомъ. Его зовутъ Мангуромъ, ему лѣтъ пять и когда его вымыли и нарядили, онъ сдѣлался красавцемъ. Во взглядѣ его большихъ черныхъ глазъ много смѣлости, но вообще онъ очень дикъ и мнѣ будетъ стоить не малаго труда сдѣлать его ручнымъ.

Чѣмъ больше размышляю я о случившемся, тѣмъ сильнѣе дѣлаются мои опасенія. Почему онъ не уѣхалъ? Неужели мое письмо не дошло

до него? Кто знаетъ, можетъ быть между окружающими его нашлись предатели? Наконецъ онъ могъ и не повѣрить моему предостереженію... развѣ друзья пишутъ анонимныя письма? Эти мысли приводили меня въ ужасъ... Вѣдь я причиной грозящей ему гибели, неужели у меня не достанетъ смѣлости еще разъ попытаться спасти его? Я опять рѣшилась написать ему все, рѣшительно все... что его видѣли, узнали и какой опасности онъ подвергается, оставаясь здѣсь... Вмѣсто подписи я вложила въ конвертъ нѣсколько цвѣтковъ жасмина; теперь онъ будетъ знать, отъ кого письмо. Зура лично передастъ ему его...

Не прошло и часу, какъ я получила отвѣтъ. Онъ въ пламенныхъ выраженіяхъ благодарилъ меня за участіе къ его судьбѣ, обѣщалъ быть осторожнѣе, но умолялъ не требовать ничего больше... удалиться отсюда послѣ того, какъ онъ меня видѣлъ, послѣ того, какъ онъ узналъ, кто я—онъ не въ силахъ... Несчастный! Онъ меня любитъ! Сомнѣваться въ этомъ нѣтъ никакой возможности, такой безумной, такой восторженною страстью дышетъ отъ каждаго слова его письма!.. Цвѣтокъ, который я ему бросила изъ окна... Богъ его знаетъ, какъ онъ истолковалъ эту шалость!.. онъ можетъ быть вообразилъ себѣ... Нѣтъ, нѣтъ, такая дерзкая мысль не могла ему придти въ голову, чувство его ко мнѣ полно самоотверженія и покорности, онъ готовъ отдать за меня свою жизнь, но любовь его вполнѣ безнадежна... къ тому же онъ долженъ знать, что я выхожу замужъ... И все-таки онъ не хочетъ удаляться отсюда... Бѣдный!

XV.

Столько случилось новаго за это время, что мнѣ нѣкогда было писать тебѣ. Но теперь, слава Богу, все кончилось благополучно и мнѣ удалось поправить бѣду.

Дня три тому назадъ пріѣхалъ ко мнѣ братъ прямо изъ дворца. Между прочими новостями онъ сообщилъ мнѣ о только что открытомъ заговорѣ, во главѣ котораго стоитъ какой-то родственникъ вице-короля и злѣйшій врагъ Магомета. Гассанъ тоже замѣшанъ въ эту исторію. Когда Али произнесъ это имя, я покраснѣла и смутилась немножко. По мнѣнію Али, ему грозитъ большая опасность. Магометъ человѣкъ съ умомъ и съ энергіей, бороться съ нимъ трудно. Изъ словъ брата можно было заключить, что интересы нашей фамиліи тѣсно связаны съ высокимъ положеніемъ Магомета при дворѣ и что братъ сильно озабоченъ всѣми этими происшествіями. Бесѣда наша была прервана появленіемъ нашей старшей сестры. При видѣ брата брови ея сдвинулись, но она тотчасъ же подавила свое неудовольствіе и весьма радушно протянула мнѣ обѣ руки и завела разговоръ о постороннихъ предметахъ. Но едва только Али вышелъ, она спросила:

— Вы кажется въ отличныхъ отношеніяхъ? Часто видитесь?

Я отвѣчала, что желала бы видѣть его еще чаще.

— А жену его? продолжала она, не спуская съ меня пристальнаго и подозрительнаго взгляда.

Обѣщаніе, данное мною отцу, заставляло меня отвѣчать уклончиво.

— Да вѣдь она у насъ не принята, возразила я, смѣясь, чтобъ скрыть свое смущеніе.

Но сообщеніе Али не выходило у меня изъ головы и я спросила у нее, слышала-ли она про заговоръ? Оснахъ презрительно пожала плечами.

— Все это вздоръ и тебѣ безпокоиться насчетъ Магомета не слѣдуетъ. Онъ ихъ всѣхъ держитъ въ рукахъ и въ данную минуту съумѣетъ разрушить ихъ козни.

Она увезла меня кататься. На обратномъ пути намъ попался на встрѣчу батальонъ солдатъ. Люди эти казались утомленными, точно послѣ длиннаго перехода. Оснахъ приподняла край сторы, чтобъ посмотрѣть на нихъ.

— Мы завтра услышимъ много новаго, весело объявила она.

И на мой вопросъ, въ чемъ дѣло, она отвѣчала, таинственно понижая голосъ:

— Это секретъ, но ты въ немъ заинтересована, а потому я скажу тебѣ, что Могаметъ рѣшился сегодня утромъ раздѣлаться со своими врагами.

Можешь себѣ представить, въ какую тревогу бросили меня эти слова? Въ такой странѣ, какъ паша, гдѣ нѣтъ законовъ, а царитъ одинъ только произволъ, все возможно, самое возмутительное насиліе! Дѣло шло объ его жизни, я должна была спасти его, а для этого представлялось одно только средство—видѣться съ нимъ и объяснить ему, какая бѣда его ожидаетъ, если онъ не удалится отсюда! Я позвала Назли и спросила у нее предана-ли она мнѣ?

— Съ радостью отдамъ мою жизнь за васъ, отвѣчала она.

— Въ такомъ случаѣ, ты должна мнѣ помочь спасти несчастнаго, котораго хотятъ убить сегодня ночью.

И разсказавъ ей, въ чемъ дѣло, я прибавила къ этому, что мы должны видѣться въ маленькомъ садикѣ Зуры, ея сестры. Она пришла въ ужасъ и долго не соглашалась, но наконецъ сжалилась надъ моимъ отчаяніемъ и уступила моимъ просьбамъ. Времени оставалось немного. Я написала записку слѣдующаго содержанія:

«Подательница этого письма приведетъ васъ къ тому мѣсту, гдѣ я васъ буду ждать».

Съ этой запиской Зура немедленно отправилась къ нему, а въ назначенный часъ, переодѣвшись невольницей, я вышла съ Назли на улицу, гдѣ ожидала насъ наемная карета, въ которой мы доѣхали до маленькаго бѣлаго домика на берегу Нила.

Мы пріѣхали слишкомъ рано, въ саду Зуры никого еще не было. Темнѣло, но воздухъ былъ такъ прозраченъ, что легко было различать силуэты пирамидъ, сѣрѣющіяся на голубомъ фонѣ теплой и душистой вечерней мглы. Я вся трепетала отъ волненія. Ожиданіе длилось только нѣсколько минутъ, но минуты эти показались мнѣ вѣчностью. Вдругъ маленькая дверь отворилась и явилась Зура, а за нею онъ. Назли съ сестрой отошла въ сторону и когда мы остались вдвоемъ, онъ упалъ передо мной на колѣни и поцаловалъ край моего покрывала. Странное дѣло! Я долго готовилась къ этой встрѣчѣ, но теперь, когда она наступила, я точно окаменѣла и первую минуту не въ силахъ была произнести ни слова... Едва достало у меня духа сказать ему нѣсколько безсвязныхъ фразъ, умоляя его уѣхать, бѣжать отъ грозящей ему участи.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не уѣду... я не могу отсюда ѣхать, возразилъ онъ страстнымъ шопотомъ, не отрывая жгучаго, пристальнаго взгляда съ моего лица, покрытаго вуалемъ.

— А если я этого требую?

Не успѣли сорваться у меня эти слова, какъ я почувствовала, что краска стыда разливается по моему лицу. Развѣ такими требованіями я не поощряю его чувства? Онъ это понялъ и глаза его блеснули, но онъ тотчасъ же опомнился.

— Нѣтъ, вы не можете этого требовать отъ меня, я буду достоинъ вашего презрѣнія, если покину начатое дѣло, не выполню до конца моей миссіи...

О! какими страстными, восторженными словами началъ онъ мнѣ описывать свою цѣль! Цѣль эта прекрасна: они мечтаютъ освободить феллаховъ, сдѣлать ихъ собственниками тѣхъ полей, надъ которыми ихъ немилосердно заставляютъ работать жестокіе и алчные хозяева! Имъ хочется избавить страну отъ язвы любостяжанія и воровства. Пока онъ говорилъ, я смотрѣла на него: онъ весь преобразился, огонь, горѣвшій въ его взглядѣ, освѣщалъ какимъ-то страннымъ блескомъ его строгое и мрачное лицо.

— Но вѣдь борьба, которую вы начали, безумна! вскричала я.

— Что за дѣло, если намъ долгъ повелѣваетъ ее вести!

И замѣтивъ, что я вздрогнула, онъ поспѣшилъ прибавить:

— О! не бойтесь! Благодаря вамъ, на сегодняшнюю ночь опасность миновала, а завтра... увидимъ!

— На что же вы надѣетесь? вскричала я, испуганная такой смѣлостью.

Онъ подавилъ отвѣтъ, готовый сорваться съ языка, и продолжалъ послѣ минутнаго колебанія:

— Не спрашивайте меня, я ничего не могу больше сказать, но умоляю васъ успокоиться и вѣрить мнѣ. Я хочу жить и къ тому же у меня есть талисманъ, который спасетъ меня отъ всякихъ опасностей, прибавилъ онъ, показывая мнѣ засохшую вѣточку жасмина.

Явилась Назли, надо было ѣхать. Съ минуту времени смотрѣли мы молча другъ на друга.

— Прощайте, сказала я наконецъ.

Онъ повторилъ это роковое слово и мы разстались. Конечно! Я никогда больше не увижу его! Всю ночь провела я у открытаго окна, перебирая въ памяти приключенія этого достопамятнаго дня и пытаясь уловить въ воздухѣ какой-нибудь отголосокъ страшнаго дѣла, совершавшагося въ эту ночь, но всѣ усилія мои были напрасны, паркъ нашъ слишкомъ великъ и что бы ни дѣлалось за предѣлами нашихъ владѣній, звѣздное небо все-таки мирно и спокойно продолжаетъ освѣщать душистыя клумбы цвѣтовъ, никакой шумъ не достигаетъ до насъ. На слѣдующее утро Назли подала мнѣ записку.

«Мы простились навсегда и никогда больше не увидимся, писалъ мнѣ Гассанъ, но я долженъ вамъ сказать, что я нашелъ себѣ вѣрное убѣжище, что всякая опасность для меня миновала и что память объ васъ никогда не изгладится изъ моего сердца».

XVI.

Ты съ ума сошла, Марта, чего ты боишься? Мой романъ конченъ, отъ него у меня ничего не осталось, ничего, кромѣ маленькой вѣточки высохшаго жасмина. Къ тому же меня такъ замучили хлопотами и приготовленіями къ свадьбѣ, что нѣтъ времени думать о другомъ. Третьяго дня у меня опять было свиданіе съ Магометомъ, который явился на этотъ разъ объявленнымъ женихомъ и надо отдать ему справедливость довольно таки ловко и умно выразилъ мнѣ свои желанія и чувства. Онъ былъ и робокъ, и нѣженъ въ мѣру, но взглядъ его порой сверкаетъ такою надменною суровостью, что волей-неволей вспомнишь того безумца, знаешь?..

Прочь, глупыя грезы! Тутъ идетъ рѣчь о болѣе важныхъ интересахъ, о чести и благосостояніи нашей фамиліи. Мы переговорили съ моимъ будущимъ мужемъ объ устройствѣ нашего дома. Въ немъ много рѣшотокъ, но всѣ онѣ вызолочены за-ново, какъ и подобаетъ для такой рѣдкой птицы, какъ я. Еслибъ ты видѣла, какіе великолѣпные подарки я каждый день получаю! Что за чудные цвѣты мнѣ подносятъ! Восторгъ да и только...

Сама не понимаю, почему я вдругъ расплакалась... Слезы смыли нѣсколько строчекъ этого письма, не обращай на это вниманіе.

XVII.

Оснахъ взяла на себя всѣ приготовленія къ свадебнымъ празднествамъ. Она кажется намѣрена изумить весь Каиръ и такъ хлопочетъ, что ей не до меня. Я воспользовалась этимъ, чтобъ навѣстить Адилу. Отецъ такъ доволенъ мною,

что я начинаю питать надежду свести его съ бѣдной изгнанницей. Ужъ многаго достигла я въ этомъ дѣлѣ: на мои посѣщенія къ ней взираютъ снисходительно, меня выслушиваютъ терпѣливо, когда я говорю про нее, и наконецъ мнѣ удалось завоевать себѣ сообщницу въ лицѣ Санды, которая всегда рада чѣмъ-нибудь насолить Оснахъ, но только изподтишка конечно, не иначе.

Я встрѣтилась съ Гассаномъ. Вотъ какъ это случилось: мы катались въ каретѣ, Санда, мой маленькій феллахъ и я. Погода была прелестная и, проѣзжая по берегу Нила, я вздумала навѣстить Саломею, мать моего воспитанника. Мы вскорѣ доѣхали до того мѣста, гдѣ случилось приключеніе съ Мансуромъ и глазамъ моимъ представилась знакомая картина: тѣ же дѣти играли на причаленныхъ къ берегу лодкахъ, спугивая пархающихъ кругомъ розовыхъ фламинговъ; буйволы огромными темными пятнами чернѣлись въ голубыхъ волнахъ. Дѣвочки, стройныя и красивыя, какъ античныя статуи, прохаживались взадъ и впередъ, придерживая одной рукой каменный кувшинъ на головѣ. Завидѣвъ старыхъ товарищей, Мансуру захотѣлось похвастаться передъ ними своимъ новымъ костюмомъ; мы уступили его просьбамъ и вышли изъ кареты. Радости и удивленію не было конца и насъ окружили со всѣхъ сторонъ, какъ вдругъ Мансуръ кинулся со всѣхъ ногъ къ незнакомцу, переходившему черезъ дорогу. Прохожій обернулся, это былъ Гассанъ. Мансуръ потащилъ его въ нашу сторону, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, но затѣмъ остановился и взгляды наши встрѣтились... Онъ узналъ меня, не взирая на покрывало, которымъ я была закутана, вздрогнулъ и, низко наклонившись надъ маленькимъ феллахомъ, улыбнулся ему и отошелъ, не произнося ни слова. Санда закидала меня вопросами и я должна была ей сказать, что это тотъ самый человѣкъ, который спасъ жизнь Мансуру.

Я кажется писала тебѣ, что Саломея мать моего маленькаго воспитанника занимается ворожбой и слыветъ здѣсь за отличную гадальщицу. Она насъ встрѣтила на порогѣ своей хижины, бросилась къ моимъ ногамъ, поцаловала край моей одежды, а затѣмъ, съ большимъ достоинствомъ пригласила насъ войти въ ея хижину. Пока она ласкала сына, я оглядывала внутренность этого жилища; вошла я сюда не безъ отвращенія, ожидая встрѣтить грязь и бѣдность, но ожиданія эти не оправдались. Въ единственной комнатѣ этой хижины было не только опрятно, но даже замѣчалось извѣстнаго рода довольство. Мы сѣли на диванъ обитый пунцовою бумажною тканью. На коврѣ передъ нами были разложены кучки песку, раковинъ и пшеницы, а рядомъ съ ними, чернильница и нѣсколько старыхъ книгъ. Санда молча и съ любопытствомъ озиралась кругомъ, а ворожея сѣла у моихъ ногъ и, устремивъ на меня взглядъ, полный какой-то дикой рѣшимости, проговорила:

— Дай мнѣ твою руку, я скажу тебѣ то, что тебя ожидаетъ.

Я отказалась, но Санда робко протянула ей свою ручку. Съ минуту времени разсматривала ее гадальщица, не произнося ни слова, а затѣмъ встала и принесла скамейку, на которой ворочалась живая ящерица. Санда вскрикнула.

— Не бойся, сказала Саломея, это безвредное животное.

И какъ будто для того, чтобъ показать намъ, гдѣ опасность, она поставила передъ нами небольшую клѣтку, въ которой покоилась на пескѣ, маленькая змѣйка, свернувшись кольцомъ. Укушеніе этой змѣйки смертельно. Сандѣ были предсказаны всевозможныя благополучія, богатство и почести. Моя маленькая мачиха сіяла отъ восторга. Передъ отъѣздомъ я позволила Саломеѣ навѣщать ея сына.

XVIII.

Каждый день отецъ ведетъ со мной длинныя бесѣды насчетъ моей будущей жизни. Мнѣ повидимому суждено играть важную роль въ здѣшнемъ обществѣ за такимъ богатымъ, умнымъ и вліятельнымъ человѣкомъ, какъ Магометъ. Ужъ и теперь вокругъ меня группируется маленькій дворъ, всѣ за мной ухаживаютъ, а про дворецъ, который готовятъ мнѣ, про сокровища, которыми наполняетъ его мой будущій мужъ, разсказываютъ чудеса. Онъ выписалъ мастеровъ изъ Парижа, чтобъ разукрасить мой гаремъ на французскій ладъ, и Оснахъ увѣряетъ, что на все это истрачено болѣе мильона!.. Можешь судить по этому, какъ я любима и какъ я должна быть счастлива!.. Меня ужъ теперь такъ тяготитъ это счастье, что я пользуюсь всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ скрыться за городъ. Здѣсь, въ обществѣ Бель, мнѣ дышется немножко легче.

Почти каждый разъ случай наталкиваетъ насъ на моего бѣднаго поэта... Онъ вѣрно скрывается гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ. Пробовала я нѣсколько дней сряду не выѣзжать, для него же, чтобъ не подвергать его опасности, въ полной увѣренности, что, не видя меня болѣе, онъ перестанетъ выходить изъ своего убѣжища, чтобъ ждать меня на дорогѣ, но какъ-то на-дняхъ Оснахъ вздумала поѣхать со мной въ ту сторону и я снова увидѣла его — онъ стоялъ на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ и такой блѣдный, печальный!.. Дѣлать нечего, надо было снова рѣшиться на крайнюю мѣру, и написать ему записку слѣдующаго содержанія: «я не вернусь сюда больше». Записку эту я бросила изъ окна кареты, проѣзжая мимо него съ Бель. Въ тотъ же вечеръ сестра Назли принесла мнѣ отвѣтъ. Гассанъ умолялъ меня простить его и клялся, что я больше никогда его не увижу.

Я перечитала его Принцессу Гульнару... Только восточный поэтъ способенъ выражать свои чувства въ такихъ пылкихъ, восторженныхъ выраженіяхъ. Я переведу для тебя эту поэму.

XIX.

Марта! Одной только тебѣ могу я сознаться во всемъ! Ты меня поймешь и простишь, я въ этомъ увѣрена. Я должна тебѣ сказать все, все... Предсказанія твои сбылись, я такъ увлеклась, что забыла всякую осторожность, я поступила глупо и опрометчиво, сожалѣніе къ несчастному... (а кто знаетъ, можетъ быть и кокетство!..) заставило меня отвѣчать на его письма!.. Но каждое его слово дышало такой безграничной любовью! Чувство его ко мнѣ такъ глубоко и такъ безнадежно!.. Онъ знаетъ, сколько между нами непреодолимыхъ преградъ, и все-таки не перестаетъ обожать меня!.. Ну, какъ не быть тронутой такою любовью?

Марта! Я не подавала ему никакихъ надеждъ, напротивъ того, но есть чувства — чистыя и глубокія, какъ чудныя озера въ которыхъ отражается лазурь неба, все въ нихъ возвышенно и прекрасно, все, страданія и радости... У него именно такое чувство ко мнѣ! Онъ уважаетъ меня такъ глубоко, что мнѣ нельзя не гордиться минутами счастья, которыя я ему доставила моими письмами. Чтоже касается до остальнаго, я покоряюсь моей судьбѣ и черезъ недѣлю выхожу замужъ, большаго отъ меня никто не въ правѣ требовать... и наконецъ я счастлива, я должна быть счастлива... женихъ меня обожаетъ, со временемъ я къ нему привыкну, чего же мнѣ недостаетъ? Очень малаго, только любви, только того сліянія душъ, съ которымъ жизнь съ любимымъ человѣкомъ превращается въ земной рай... Но все это мечты и больше ничего...

Нѣтъ, Марта, я лгу! Я притворяюсь!.. Мнѣ страшно, ужасно страшно, не могу я покориться!.. Передо мной, какъ будто разверзается бездонная пропасть... Сдѣлаться женой Магомета! я вся леденѣю при этой мысли!.. Вѣдь есть же минута въ жизни, когда сердце пробуждается и рушитъ всѣ преграды, созданныя разумомъ, заглушаетъ всякое воспоминаніе о прошедшемъ, о принятыхъ обязательствахъ на будущее!.. Марта, я люблю его! Понимаешь-ли ты, я его люблю! Я готова отдать ему все, мою жизнь, душу!.. Я полюбила его съ перваго раза и буду любить всю жизнь, а меня отдаютъ за другого! Да развѣ это возможно?.. Быть женой Магомета!.. Лучше смерть! Это было бы такъ низко, такъ подло съ моей стороны... Кто же имѣетъ право подвергать меня такой пыткѣ?..

Но чтожь мнѣ дѣлать? Все рѣшено... Напрасно ищу я удобнаго случая переговорить съ отцомъ, броситься къ его ногамъ и умолять его о пощадѣ... Что я ему скажу? Какой выставить предлогъ къ разрыву? Во всемъ ему сознаться, выдать Гассана, возбудить противъ него новое преслѣдованіе? Развѣ это возможно? Ты видишь, я погибла, только чудо можетъ меня спасти!

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Экономическое сотрудничество *).



Англичане говорятъ, что «двѣ собаки вмѣстѣ поймаютъ больше зайцевъ, чѣмъ четыре порознь». Поговоркой этой выражается весьма наглядно одинъ изъ основныхъ экономическихъ законовъ. Предположите, что общество состоитъ изъ Робинзоновъ Крузе, живущихъ каждый на своемъ островѣ и каждый Робинзонъ дѣлаетъ все для себя самъ. Получится общество дикарей, въ которомъ окажется невозможнымъ ни умственный ни экономической прогресъ. Робинзонъ это конечно зналъ и потому онъ такъ и обрадовался, когда судьба послала ему Пятницу. Самое просто дѣло, самая простая экономическая операція невозможны безъ взаимнаго сотрудничества. Нужно-ли человѣку добыть себѣ дерево для постройки, ему не обойтись безъ помощи другого человѣка, ибо его единоличной силы недостанетъ ни для того, чтобы срубить дерево, ни для того, чтобы навалить его на возъ, ни для того, чтобы доставить на мѣсто, ни для того, чтобы поднять вверхъ при постройкѣ. Въ сельскомъ хозяйствѣ ни одна большая работа невозможна безъ сотрудничества, ибо иначе въ недолгій лѣтній періодъ, земледѣлецъ не успѣетъ убрать ни сѣна, ни хлѣба, ни обработать землю подъ новый посѣвъ. И какой бы мы ни взяли экономическій трудъ, ни одинъ не окажется возможнымъ безъ сотрудничества. Безъ сотрудничества оказались бы невозможны доставка грузовъ, нагрузка кораблей, водяной и сухопутной транспорты, оказались бы невозможны постройки домовъ, устройство дорогъ, рудокопная, горная, заводская и фабричная производительность. Всѣмъ своимъ экономическимъ успѣхамъ человѣчество обязано сотрудничеству или той помощи, которую оказываетъ человѣкъ человѣку. Сотрудничествомъ человѣкъ создаетъ новую несуществовавшую силу. Когда нѣсколько рабочихъ соединяются вмѣстѣ, чтобы поднять тяжесть, они своимъ сотрудничествомъ создаютъ новую несуществовавшую раньше силу. Каждый изъ рабочихъ, пытаясь поднять тяжесть отдѣльно одинъ отъ другого, не сдвинулъ бы ее даже съ мѣста; при сотрудничествѣ же, они создали силу, которой прежде не было и получился результатъ, который прежде былъ невозможенъ. Этотъ резуль-

*) См. №№ 28, 30 и 32.

татъ явился благодаря исключительно сотрудничеству или сочетанію труда.

Если нѣсколько человѣкъ соединяютъ свои силы, чтобы достигнуть результата, который каждый изъ нихъ видитъ и цѣль котораго каждому ясна, то такое сотрудничество называется простымъ. Напримѣръ, если нѣсколько работниковъ косятъ лугъ или жнутъ поле, рубятъ или поднимаютъ дерево, имъ совершенно ясно, что они соединили свои силы, чтобы скосить скорѣе лугъ, сжать поле, поднять дерево. Но бываютъ занятія, когда для работника ясна только частная цѣль, по общей цѣли онъ не видитъ и въ большинствѣ случаевъ вовсе не сознаетъ, на сколько и кому именно онъ помогаетъ и какой конечный результатъ получается отъ труда. Причина этого очень проста. Если нѣсколько человѣкъ поднимаютъ одну тяжесть или косятъ лугъ, для нихъ даже и не представляется ни малѣйшей возможности сомнѣваться въ томъ, что они сотрудничаютъ вмѣстѣ. Но если разные люди работаютъ въ разныхъ мѣстахъ, трудятся надъ разными операціями, не имѣющими очевидной связи, то требуется иногда очень сложная умственная работа, чтобы усмотрѣть общую цѣль у всѣхъ этихъ повидимому раздѣльно дѣйствующихъ силъ. Напримѣръ, крестьяне, которые косятъ сѣно для скота на сыроваренномъ заводѣ, очень хорошо видятъ ту ближайшую цѣль, для которой они соединили свои силы; но имъ можетъ быть совершенно не ясно, что конечный результатъ ихъ сотрудничества есть сыръ. Еще менѣе ясна связь сотрудничества возчику, везущему сыръ для продажи или лавочнику, его продающему, съ крестьяниномъ, косившимъ для коровъ сѣно. Существуютъ операціи на столько сложныя, раскинутыя, разнообразныя, что отдѣльные ихъ производители не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о конечномъ результатѣ ихъ труда и связи отдѣльныхъ сотрудничествъ въ одно общее сотрудничество. Негръ, срывающій на американской хлопчато-бумажной плантаціи головки хлопчатника, едвали предполагаетъ, что у него существуетъ связь съ мѣщанской какого-нибудь Стерлитамака, носящей ситцевое платье, сдѣланное изъ собраннаго имъ хлопка. А между тѣмъ между негромъ американской плантаціи и стерлитамакской мѣщанкой существуетъ прямая связь, хотя очень сложная и запутанная. Связь эту можно даже назвать колосальной, соединяющей одно въ общее сотрудничество сотни тысячъ или даже миліоны людей. Негръ срываетъ головки хлопчатника въ простомъ сотрудничествѣ съ множествомъ другихъ негровъ, занятыхъ съ нимъ въ полѣ тою же операціею. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ другихъ подобныхъ же простыхъ сочетаній или сотрудничествъ, составляющихъ отдѣльныя операціи одного общаго труда, называемаго хлопчатобумажнымъ производствомъ. Хлопокъ, собранный неграми, расчесывается другими рабочими, которые точно также понимаютъ хорошо цѣль ихъ простого сотрудничества. Расчесанный хлопокъ превращается новыми рабочими въ пряжу. Еще новые рабочіе перевозятъ пряжу на фабрику. Еще новые рабочіе подвергаютъ пряжу на фабрикѣ многоразличнымъ операціямъ и у каждой изъ этихъ операцій есть своя отдѣльная цѣль. Затѣмъ изготовленная и окрашенная ткань перевозится для продажи въ близкую или отдаленную мѣстность, перевозится на лошадяхъ или по желѣзной дорогѣ или наконецъ черезъ океанъ въ Европу и поступаетъ въ склады. Изъ складовъ она опять развозится въ города, въ селенія и продается мѣстнымъ купцамъ или лавочникамъ. Чтобы ситецъ, приготовленный изъ американскаго хлопка, сдѣлался наконецъ платьемъ стерлитамакской мѣщанки, ему нужно перейти столько разъ изъ рукъ въ руки и подвергнуться такимъ многообразнымъ операціямъ, что едва-ли стерлитамакская мѣщанка въ состояніи даже приблизительно понять связь, которая существуетъ между ея ситцевымъ платьемъ и трудомъ того негра, который срываетъ для него хлопокъ. Едвали больше понимаютъ эту связь и ситцевые торговцы Стерлитамака, а пожалуй и образованное населеніе этого почтеннаго города.

Сочетаніе труда неостанавливается на одномъ этомъ. Оно идетъ гораздо глубже и шире и обнимаетъ собою не только тѣхъ работниковъ, которые трудятся непосредственно для хлопчатобумажной промышленности, но и всѣхъ тѣхъ, кто помогаетъ ей болѣе или менѣе косвенно. Землевладѣлецъ, добывавшій хлѣбъ для негра, срывавшаго хлопокъ, трудился тоже для хлопчатобумажной промышленности, трудился для нея и тотъ землевладѣлецъ, который приготовлялъ хлѣбъ для стерлитамакскаго торговца ситцами и для тѣхъ возчиковъ, которые привезутъ ситецъ въ Стерлитамакъ, и для тѣхъ рабочихъ, которые строили суда, чтобы перевезти хлопокъ въ Европу, и для тѣхъ рабочихъ, которые изготовляли хлопчатобумажную пряжу, и для тѣхъ, которые ее ткали, и, для тѣхъ, которые ее набивали, и для тѣхъ, которые изготовляли разнообразныя машины для производства бумажной ткани. Точно также трудились для той же промышленности и мельники, моловшіе муку, и булочники, изготовлявшіе изъ нея хлѣбъ, и портные, шившіе платье, и сапожники, шившіе сапоги для всей многообразной массы этихъ негровъ, ткачей, красильщиковъ, возчиковъ, матросовъ, комисіонеровъ, купцовъ, строителей машинъ, пароходовъ, складовъ и магазиновъ или лавокъ бумажнаго товара. Вся эта маса производителей занята однимъ общимъ дѣломъ, въ которомъ очень немногіе отдѣльные производители понимаютъ или даже въ состояніи понять, что ихъ усиліе и трудъ соединены для одной общей цѣли.

Еще болѣе грандіознымъ оказывается сотрудничество, связывающее людей для ихъ общей экономической производительности и общаго такъ сказать мірового экономическаго благосостоянія. Чтобы понять сотрудничество этого рода, когда оно проявляется въ такихъ широкихъ цѣляхъ, и состоитъ изъ цѣлаго ряда сложныхъ сочетаній труда и соединяетъ въ себѣ не отдѣльныя производительныя операціи, а цѣлыя промышленности,—требуется особенное напряженіе мысли и сила всеобъемлющаго ума.

Въ простомъ сотрудничествѣ, когда нѣсколько человѣкъ валятъ дерево, конечно, очень нетрудно понять, что и для чего дѣлаютъ люди и какъ имъ выгоднѣе направить и соединить свои силы. Въ сложномъ сотрудничествѣ, которое состоитъ изъ нѣсколькихъ простыхъ сочетаній труда, установить гармонію между отдѣльными сочетаніями становится уже гораздо труднѣе. Еще труднѣе установить гармонію между производствами, хотя повидимому и отдѣльными, но между которыми существуетъ тѣсная неустранимая зависимость. Повидимому желѣзное производство составляетъ независимую промышленность, а между тѣмъ оно связано самымъ тѣснымъ образомъ и съ хлопчатобумажной производительностью, которую снабжаетъ машинами, связана и съ бытомъ земледѣльца, которому даетъ орудія и машины, усиливающія хлѣбную производительность, связана и съ средствами сообщенія, которыя служатъ хлопчатобумажной производительности и многообразнымъ другимъ производствамъ и содѣйствуетъ имъ или противодѣйствуетъ, смотря потому, на сколько помогаетъ или мѣшаетъ ихъ выгодности доставленіемъ болѣе или менѣе дорогихъ орудій и собственнымъ процвѣтаніемъ.

Еще сложнѣе и труднѣе понимается солидарность международнаго и мірового труда и того сложнаго сотрудничества, которое соединяетъ народы къ достиженію общихъ цѣлей человѣчества, стремящагося къ мировому экономическому благосостоянію. Для достиженія этой мировой гармоніи требуется прежде всего частная гармонія отдѣльныхъ народовъ и затѣмъ гармонія международныхъ отношеній.

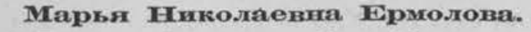
При настоящемъ развитіи понятія и общественномъ устройствѣ разные роды занятій распредѣлены такимъ образомъ, что, напримѣръ, въ хлопчатобумажномъ производствѣ одни производятъ хлопокъ, другіе его прядутъ, третьи ткутъ изъ пряжи ткань, четвертые ее красятъ или набиваютъ, пятые перевозятъ, шестые продаютъ и т. д. Возьмемъ мы суконное производство и въ немъ повторяется тоже самое. Одни разводятъ овецъ, другіе моютъ шерсть, третьи прядутъ, четвертые красятъ и т. д. Кромѣ того, существуетъ еще цѣлый рядъ работниковъ, изготовляющихъ для этихъ производителей пищу, одежду, строющихъ для нихъ жилища, снабжающихъ жилище топливомъ. Всѣ эти люди, раскинутые иногда на очень далекомъ пространствѣ и даже раздѣленные океанами, сотрудничаютъ другъ съ другомъ не только безъ всякаго предварительнаго соглашенія, но въ большинствѣ случаевъ даже и не понимая, что они помогаютъ одинъ другому, дѣлаютъ одно и тоже общее дѣло и стремятся къ одной общей цѣли.

Другой видъ сотрудничества, при которомъ простое сочетаніе труда распадается еще на болѣе мелкія части, есть раздѣленіе занятій. Безъ раздѣленія занятій трудъ человѣческій лишается одного изъ важнѣйшихъ условій своей успѣшности и безъ него невозможны даже первые начатки промышленнаго развитія. Адамъ Смитъ первый указалъ экономическую важность раздѣленія занятій и привелъ въ примѣръ производство булавокъ, примѣръ, ставшій съ тѣхъ поръ классическимъ. Процесъ выдѣлки булавокъ, говоритъ Адамъ Смитъ, раздѣляется на 18 особыхъ операцій. Одинъ работникъ тянетъ проволоку, другой выпрямляетъ ее, третій рѣжетъ, четвертый заостриваетъ, пятый обтачиваетъ конецъ для головки. Сама головка составляетъ дѣло двухъ или трехъ особыхъ операцій. Выбить ее составляетъ отдѣльное занятіе, чистка булавокъ тоже отдѣльное занятіе, даже прокалывать бумажки и вкалывать въ нихъ булавки составляетъ особенное дѣло... «Я видѣлъ, говоритъ Адамъ Смитъ, маленькую фабрику, на которой работало только 10 человѣкъ, такъ что одному и тому же работнику приходилось исполнять 2 или 3 дѣла. Несмотря на то, что заведеніе это было бѣдно и снабжено худыми инструментами, работники, если они усердно принимались за дѣло, были въ состояніи приготовить въ день около 12 фунтовъ булавокъ. Въ фунтѣ же бываетъ болѣе 4,000 булавокъ средней величины. Такимъ образомъ, 10 человѣкъ рабочихъ могли сдѣлать болѣе 48,000 булавокъ въ день; слѣдовательно на долю каждаго изъ 10 приходилось 4,800 штукъ. Но если бы каждый изъ нихъ работалъ врозь другъ отъ друга и если бы не былъ обученъ своему особенному дѣлу, то разумѣется ни одинъ изъ рабочихъ не сдѣлалъ бы и 20 булавокъ въ день, а можетъ не сдѣлалъ бы и ни одной». Производство карманныхъ часовъ заключаетъ въ себѣ почти 150 отдѣльныхъ операцій. Карточное производство состоитъ изъ 70 операцій. Сэ говоритъ, что онъ видѣлъ карточную фабрику, на которой 30 работниковъ производили въ день по 15,500 картъ, т. е. больше 500 картъ на каждаго работника; но если бы каждый изъ этихъ работниковъ былъ принужденъ совершать одинъ всѣ операціи, то едва ли бы онъ сдѣлалъ въ день больше двухъ картъ, а 30 работниковъ вмѣсто 15,500 картъ приготовили бы только 60 картъ въ день.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что раздѣленіе труда очень способствуетъ усиленію ловкости работника, потому что отъ постояннаго

упражненія однимъ и тѣмъ же дѣломъ является навыкъ совершать его съ большею быстротой и акуратностью, чѣмъ безъ этого навыка. Другая выгода, которую замѣтили послѣ Адама Смита, заключается въ томъ, что въ классификаціи работниковъ, по ихъ способностямъ, трудъ распредѣляется экономичнѣе, ибо на каждую часть процеса употребляется такое количество ловкости и силы, какое нужно, но не больше и не меньше. чается при сложномъ сочетаніи труда, повторяется въ раздѣленіи труда, въ сильнѣйшей степени. Тамъ ни негръ, обрывающій головки хлопчатника, ни стерлитамакская мѣщанка, носящая ситцевое платье, приготовленное изъ хлопка этихъ головокъ, не видятъ связи, которая ихъ соединяетъ. Здѣсь точно также потребитель не видитъ связи, соединяющей его съ работникомъ, и работникъ, занятый вѣчно одной и той будетъ состоять изъ людей, изъ которыхъ одинъ умѣетъ только тянуть проволоку для булавокъ и не знаетъ больше ничего, другой умѣетъ дѣлать исключительно булавочные головки, третій — только запечатывать карты и т. д. Фабричная и заводская промышленность, которая создала бы такихъ однобокихъ людей, едва-ли оказала какую-нибудь услугу развитію цивилизаціи и общему успѣху жизни. Очень можетъ быть, что заверты-

ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННИКОВЪ.



Марья Николаевна Ермолова.
По фотографіи г. Лаптева, рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ».



Не отрицая тѣхъ выгодъ, которыя представляетъ раздѣленіе труда, нужно замѣтить, что теперешнее капиталистическое производство довело его до такого развитія, что наконецъ забыло, что работникъ живой человѣкъ, а не машина и, превращая его въ машину, производство, которое само для своей успѣшности желаетъ имѣть не только ловкаго, но и смышленаго работника, кончитъ тѣмъ, что будетъ имѣть работника отупѣлаго и безсильнаго. То явленіе, которое замѣже операціей, доходитъ наконецъ до такого отупѣнія, что теряетъ всякій общій взглядъ на производство частью, которою онъ занятъ. Возьмите работника, занятаго запечатываніемъ картъ; конечно онъ пріобрѣтаетъ въ этомъ дѣлѣ большую ловкость; но за то кромѣ этого дѣла онъ не знаетъ больше никакого и не способенъ ни на одну изъ остальныхъ 69 операцій. Что выигрываетъ общество, если при строгомъ и послѣдовательномъ развитіи принципа раздѣленія труда, оно ваніе картъ въ колоды достигло бы необыкновеннаго развитія и совершенства, но вмѣстѣ съ тѣмъ получился бы очень тупой рабочій во всѣхъ другихъ отношеніяхъ и создалось бы поколѣніе хилыхъ, слабыхъ вырождающихся людей. Даже спеціальное занятіе такими ремеслами, въ которыхъ еще не введено раздѣленіе труда, напримѣръ, портняжное, создаетъ необыкновенно слабыхъ и хилыхъ людей. Каждое спеціальное ремесло вноситъ въ человѣчество свою особенную

болѣзнь. Раздѣленіе же труда, которое съ такимъ усердіемъ старалось ввести капиталистическое производство, думая, что оно служитъ великому экономическому закону, открытому Адамомъ Смитомъ, привело бы исключительно къ умственному и физическому вырожденію работника.

Къ счастью, раздѣленію труда ставится предѣлъ тѣми же самыми причинами, ради которыхъ дѣйствуетъ капиталистическое производство. Оно говоритъ, что раздѣленіе труда способствуетъ усиленію и дешевизнѣ производства. Прекрасно. Но вѣдь усилившемуся производству нуженъ потребитель и рынокъ. Откуда же явится этотъ потребитель, если цѣлая половина человѣчества будетъ принципомъ раздѣленія труда превращена въ хилое, вырождающееся, отупѣвшее и обѣднѣвшее населеніе? Ясно, что подобное населеніе уменьшитъ число потребителей и ограничитъ число рынковъ. Какая польза оттого, что при раздѣленіи булавочнаго производства на 10 разныхъ операцій можно изготовлять въ день 48,000 булавокъ, если существуетъ запросъ только на 24,000? Дѣло не въ раздѣленіи труда, а въ размѣрѣ рынка и въ возможности создать настолько богатаго потребителя, чтобы производство имѣло возможность всегда на него расчитывать. Вопросъ значитъ въ общемъ возрастаніи богатства и въ усиленіи покупательной способности каждаго отдѣльнаго человѣка.

Кромѣ того есть роды труда, которые недопускаютъ раздѣленія. Напримѣръ, земледѣліе вовсе неспособно къ такому раздѣленію, какъ фабричное производство, и разныя операціи земледѣлія нельзя вести одновременно. Въ сельскихъ работахъ есть извѣстный порядокъ: сначала приготовляется почва, потомъ вывозится навозъ, который запахивается, затѣмъ слѣдуетъ посѣвъ, потомъ жатва, въ промежуткѣ уборка сѣна. Нельзя раздѣлить эти работы такъ, чтобы одни рабочіе только пахали, другіе только вывозили навозъ, третьи только сѣяли, четвертые—косили, пятые—жали. Всѣ эти операціи можетъ производить одинъ человѣкъ въ разное время и для усовершенствованія земледѣлія вовсе даже и не требуется раздѣленіе труда. Отношенія къ дѣлу, какія существуютъ у земледѣльческихъ рабочихъ, въ сущности не больше, какъ простое сотрудничество, т. е. такое дѣло, которымъ въ одно и тоже время могутъ быть заняты многіе работники.

Если умственный элементъ и способность работника составляютъ главное условіе развитія всякаго дѣла и всякаго производства, то ясно, что та форма раздѣленія и организаціи труда, которая установилась при капиталистическомъ и фабричномъ производствѣ, представляетъ очевидныя невыгоды. Крайнее раздѣленіе труда при нынѣшнемъ порядкѣ производства приводитъ къ тому, что работникъ стоитъ вѣчно при одномъ и томъ же дѣлѣ. Одинъ только вертитъ колесо, другой только пилитъ, третій только тянетъ проволоку, четвертый только ее рѣжетъ, пятый лежитъ въ угольной копи на спинѣ и откалываетъ киркой уголь, шестой кидаетъ дрова или уголь въ печь паровой машины и т. д. Всѣ эти работы производятся выше силъ каждаго отдѣльнаго работника и въ концѣ концовъ нарушеніе здоровой пропорціи физіологическихъ отправленій человѣческаго организма производитъ общее разслабленіе, оканчивающееся физической и умственной слабостью и матеріальною бѣдностью.

Теперешнее производство въ томъ порядкѣ, какъ оно установилось, обращаетъ мало вниманія на качество работника и думаетъ только объ одномъ, какъ бы производить больше. Напримѣръ, хоть бы булавочное производство или хлопчатобумажное, опираясь на принципъ раздѣленія и удешевленія труда, старается производить больше, не имѣя понятія о силахъ рынка, для котораго оно работаетъ. И оказывается, что для рынка, на которомъ можно сбыть 24,000 булавокъ или 24,000 кусковъ ситцу, готовится 48,000 булавокъ и 48,000 кусковъ ситцу. Отъ этого нынѣшнее производство вмѣсто спокойнаго, равнаго поступательнаго развитія идетъ лихорадочнымъ путемъ и кончается спекуляціей.

Причина этого печальнаго явленія и всеобщей экономической неурядицы заключается въ томъ, что благодѣтельный законъ сотрудничества и раздѣленія труда получилъ на практикѣ иное приложеніе, благодаря исключительно одному общему недостатку, который повсюду вноситъ одну и туже смуту. Недостатокъ этотъ заключается въ слишкомъ слабомъ развитіи умственныхъ силъ, вслѣдствіе чего, напримѣръ, негръ, срывающій головки хлопчатника, не видитъ своей экономической связи съ стерлитамакской мѣщанкой, носящей ситецъ, а стерлитамакская мѣщанка не видитъ своей экономической связи съ американскимъ негромъ; въ булавочномъ или въ другомъ фабричномъ производствѣ ни одинъ рабочій точно также не видитъ своей связи съ другимъ рабочимъ и своего значенія въ общемъ ходѣ производства. Отношенія производствъ между собою, напримѣръ, желѣзнаго съ хлопчатобумажнымъ, карточнаго съ булавочнымъ, понимается отдѣльными производителями и потребителями еще меньше. Еще недостаточнѣе понимается экономическая связь въ международныхъ и въ общемировомъ производствахъ. Такимъ образомъ, благодѣтельный законъ сочетанія труда въ формѣ раздѣленія труда и простаго и сложнаго сотрудничества, вслѣдствіе теперешняго недостаточнаго умственнаго развитія отдѣльныхъ людей и общества, привелъ къ запутанности экономическихъ отношеній и къ международной экономической неурядицѣ.

Государственное и соціальное развитіе Японіи за послѣдніе 10 лѣтъ (1868 — 1878).

(Ст. Е. А. Сысоевой.)

(*Продолженіе.*)

4. Что такое былъ тайкунатъ?

Подъ именемъ тайкуната надо разумѣть временную военную диктатуру; вся Японія держалась ею какъ въ заколдованномъ кругу. Тайкуны, это тѣ же французскіе вассалы, съ тою только разницею, что не они свергали своихъ законныхъ монарховъ, а наоборотъ. Въ древнія времена названіе это было присвоено самымъ могущественнымъ изъ ленныхъ князей; въ концѣ XVI столѣтія одному изъ нихъ при помощи тонкой, хитрой политики удалось заставить признать себя прочими князьями представителемъ императорской власти, подъ именемъ тайкуна. Императоръ же, собственно, или микадо, сохранилъ за собой только титулъ, получаемое имъ содержаніе было до такой степени скудно, что онъ не имѣлъ возможности прикрыть свое ничтожество внѣшнимъ великолѣпіемъ. Онъ проживалъ тихо и уединенно въ Кіото, Міако тожь,—старинной императорской резиденціи, вмѣстѣ съ своими придворными, находясь подъ строгимъ вооруженнымъ надзоромъ, который преграждалъ ему всякія сношенія съ внѣшнимъ міромъ, а тѣмъ болѣе съ ленными князьями. Хотя по статуту тайкуната микадо считался главою государственной религіи, но онъ не смѣлъ присутствовать при религіозныхъ торжествахъ даже въ своей собственной столицѣ. Для народа это былъ миѳъ, единственнымъ признакомъ существованія власти котораго были его подписи при возведеніи въ высшія придворныя должности и при утвержденіи въ званіе тайкуна.

5. Даймiосы или владѣтельные князья.

Князья подвергались такому униженію со стороны тайкуновъ, что въ исторіи не найдешь ничего подобнаго. Такъ, напр., каждый князь долженъ былъ изъ году въ годъ разъ являться съ отрядомъ своихъ самурайевъ въ Іедо для содержанія караула при дворцѣ; отбывъ тамъ свою службу, онъ оставлялъ на шесть мѣсяцевъ при дворѣ своихъ женъ и старшихъ сыновей, въ видѣ заложниковъ. Карауламъ князей довѣрялись только наружныя крѣпостныя стѣны высочайшаго жилища, внутрь которыхъ они не смѣли входить безъ позволенія. Въ своихъ собственныхъ замкахъ, находящихся въ столицѣ, князья подчинялись строжайшей дисциплинѣ; съ наступленіемъ ночи, ни одинъ изъ ихъ самурайевъ не смѣлъ показываться на улицѣ; самимъ же князьямъ разрѣшалось посѣщать только ближайшихъ родственниковъ и то безъ вооруженной свиты. Когда тайкунъ выходилъ изъ дворца, всѣ окна и ворота княжескихъ замковъ и обывательскихъ домовъ запирались наглухо, чтобы ни одинъ посторонній глазъ не смотрѣлъ тогда на улицу; въ то время, когда торжественное шествіе проходило мимо, князьямъ предписывалось стоять на колѣняхъ, со всѣми своими челядинцами на внутреннемъ дворѣ за запертыми воротами. Министры тайкуна занимали высшее положеніе, чѣмъ самые могущественные ленные князья; послѣдній изъ самурайевъ императорскихъ войскъ, при встрѣчѣ во дворцѣ съ которымъ-либо изъ князей, имѣлъ право требовать отъ него узаконеннаго числа поклоновъ.

Вотъ до какого положенія довела сильныхъ князей военная власть тайкуновъ.

Если бы они тѣсно сплотились, то легко могли бы сбросить съ себя ненавистное иго; но дѣло въ томъ, что между ними господствовала всегда непримиримая рознь и что затаенная, глубокая ненависть разъединяла всѣ княжескіе роды. Мало-по-малу, однако, имъ удалось устроить себѣ отчасти независимое положеніе, именно, они добились права считаться внѣ контроля тайкуна, лишь только въѣзжали въ предѣлы своихъ наслѣдственныхъ владѣній. Тамъ они превращались уже въ настоящихъ сюзереновъ, произвольно распоряжались жизнью и смертью своихъ подданныхъ и налагали на нихъ подати по своему усмотрѣнію. Кромѣ обязанности отбывать караулъ въ Іедо и, въ случаѣ войны, имѣть наготовѣ войско, князья сняли съ себя всѣ прочія обязанности относительно тайкуна. А такъ какъ сначала XVII столѣтія Японія не вела войнъ, то князья могли тратить на себя всѣ получаемые ими съ своихъ земель доходы.

Вмѣстѣ съ упадкомъ воинственнаго духа въ князьяхъ и въ ихъ самурайяхъ, ослабѣла власть тайкуна и его вассаловъ; замки и дворцы не измѣнили своей грозной, величественной внѣшности, японскія войска продолжали считаться превосходными и малѣйшее нарушеніе дисциплины въ нихъ наказывалось, какъ и прежде, съ драконовскою жестокостью; но о прежней боевой отвагѣ и помину не было. Вассальные князья и самураи предались развратной жизни; подъ личиной горъ смѣльчаковъ скрывались робкія, ни на что благородное не способныя натуры; алчность, непотизмъ и безстыдство разъѣли до костей весь государственный организмъ; довольно было одного толчка извнѣ, чтобы обратить въ прахъ все подгнившее зданіе.

6. Послѣдствія открытія портовъ на основаніи трактатовъ.

Толчекъ этотъ былъ данъ, какъ сказано выше, появленіемъ иностранцевъ въ Японіи. Правительство тайкуна на первыхъ же порахъ сознало свою неспособность устоять передъ такимъ врагомъ и потому начало прибѣгать къ разнымъ проволочкамъ во время переговоровъ, находя въ этомъ единственное средство къ своему спасенію; оно дѣлало уступки тогда только, когда его брали, такъ сказать, за горло. Необузданныхъ самурайевъ возмутила такая нерѣшительная политика;

изумленіе и страхъ передъ силою чужеземнаго врага, стыдъ и негодованіе за свою слабость и неумѣлость разомъ подняли всю эту касту, погрязшую въ развратѣ и допустившую тайкуновъ безконтрольно распоряжаться судьбами страны. Эти люди не подозрѣвали конечно что общеніе съ иностранцами положитъ конецъ ихъ существованію; ими руководила одна мысль, что тайкунъ не выполнилъ буквы закона, предписывающаго ему охранять государство отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Пока каста самурайевъ, какъ бы проснувшаяся послѣ долгаго сна, готовилась къ восстанію и, облекшись въ давно заброшенные доспѣхи, единогласно потребовала изгнанія чужеземцевъ, въ самомъ тайкунатѣ произошелъ раздоръ: два тайкуна погибли преждевременною смертью одинъ за другимъ; вражда партій дошла до открытыхъ убійствъ. Началась страшная безурядица; банды самурайевъ разсыпались по всей странѣ, грабили и жгли, что попадалось; нѣсколько иностранцевъ пали жертвами этихъ фанатиковъ. Въ такомъ критическомъ положеніи правительство само сдѣлало первый шагъ къ своей гибели; оно прибѣгло къ авторитету микадо и потребовало, чтобы тотъ ратификовалъ трактаты, заключенные съ иностранными державами. Но къ этому времени, въ стѣнѣ, отдѣлявшей невидимаго монарха отъ народа, уже успѣла образоваться брешь; нѣкоторымъ самурайямъ изъ южныхъ провинцій удалось войти въ тайныя сношенія съ придворной знатью и самыми приближенными лицами къ микадо; при помощи ихъ интригъ, тотъ, вмѣсто ратификаціи трактатовъ, издалъ повелѣніе изгнать всѣхъ чужеземцевъ изъ Японіи.

Въ эту пору всеобщаго колебанія умовъ (1863 года), одинъ изъ южныхъ владѣтельныхъ князей, Хошу, вздумалъ открыть огонь по иностраннымъ кораблямъ, шедшимъ мимо береговъ его владѣній. Но оставленный безъ поддержки со стороны сосѣднихъ князей, онъ дорого поплатился за свою выходку: чужеземныя эскадры разгромили портъ Симонозеки. Впослѣдствіи этотъ князь еще болѣе пострадалъ; когда его самураи сдѣлали попытку увезти насильно микадо изъ Кіото, войска тайкуна вступили съ ними въ бой, кончившійся тѣмъ, что значительнѣйшіе изъ сторонниковъ Хошу поплатились жизнью. Такимъ образомъ, тайкунатъ снова одержалъ верхъ и вдобавокъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ; мысли микадо приняли теперь совершенно другое направленіе; намѣреніе хошуановъ увезти его изъ резиденціи, какъ проявленіе революціоннаго духа, сильно напугало его и онъ отдался въ руки тайкуна, который вознаградилъ такое довѣріе къ себѣ тѣмъ, что значительно увеличилъ ему и его придворнымъ ежегодное содержаніе.

7. Паденіе тайкуната.

Вскорѣ послѣ этого, въ началѣ 1867 г., скончался микадо Ромеи Тенно и теперешній императоръ, имѣя всего 15 лѣтъ отъ роду, вступилъ на престолъ. Попечитель его и регентъ, первый министръ, Сантхо, оказался ярымъ противникомъ тайкуната и горячимъ приверженцемъ возстанія хошуановъ; благодаря своему близкому родству съ богатѣйшимъ владѣтельнымъ княземъ Зацума, ему удалось прекратить исконную вражду между нимъ и княземъ Хошу и уговорить ихъ дѣйствовать за-одно. Всѣ южные феодалы пристали къ этимъ двумъ вожакамъ, и, въ январѣ 1868 года, послѣ небольшой стычки подъ Фушими, войска тайкуна вынуждены были положить оружіе предъ соединенными силами южныхъ князей. Сѣверные вассалы тайкуна продолжали еще нѣкоторое время борьбу, но также должны были уступить.

Теперь возникъ вопросъ: чѣмъ замѣнить старые порядки? Иностранныя державы не на шутку боялись, чтобы побѣдители не вздумали начать поголовное избіеніе чужеземцевъ. Это опасеніе было совершенно неосновательно, потому что южные князья, въ особенности Хошу и Зацума, имѣли гораздо болѣе ясный и вѣрный взглядъ на иностранцевъ и на цѣль ихъ прибытія, чѣмъ правительство тайкуна, думавшее только о томъ, какъ бы скорѣе отдѣлаться отъ непрошенныхъ гостей. Въ Іедо царствовалъ упорнѣйшій консерватизмъ; въ каждомъ нововведеніи партія тайкуна предвидѣла,—и совершенно справедливо,—опасность для существующаго порядка вещей; на югѣ же, гдѣ народъ былъ подвижнѣе и воспріимчивѣе, реформы могли привиться гораздо легче.

Отъ голландцевъ, издавна поселившихся въ Нагасаки, самураи держались всегда очень далеко; законъ строго каралъ ихъ за каждое посѣщеніе чужеземцевъ; мало того, обладаніе книгой, напечатанной на иностранномъ языкѣ, считалось уже въ Японіи уголовнымъ преступленіемъ. Тайкуны не позволяли точно также и высшимъ сановникамъ, равно какъ придворнымъ воинамъ, водиться съ голландцами; вотъ причина, почему болѣе чѣмъ вѣковое пребываніе послѣднихъ въ странѣ не оставило ни малѣйшаго слѣда на японцахъ. Только тѣ лица, которыя желали сдѣлаться толмачами, пользовались привилегіей брать уроки иностранныхъ языковъ у чужеземцевъ; въ самые послѣдніе годы своего владычества, тайкунъ, въ минуту счастливаго расположенія духа, снялъ запретъ съ медицинскихъ сочиненій европейскихъ авторовъ. Такимъ образомъ, правительство въ Іедо не воспользовалось единственнымъ открытымъ ему путемъ для сближенія съ иностранцами.

Совершенно иначе поступили самураи южныхъ провинцій, лишь только они увидѣли у себя на морѣ незнакомыя имъ доселѣ паровыя суда и услышали, что въ портахъ Симода и Нагасаки эти чудеса искусства безпрепятственно показываютъ всѣмъ любопытнымъ. Забывъ о запрещеніи, самураи начали ѣздить въ оба упомянутые города, переодѣвшись купцами, нанимались даже въ лакеи къ прибывшимъ иностранцамъ. Наконецъ, многія изъ теперешнихъ высокопоставленныхъ государственныхъ лицъ Японіи рѣшились даже, подъ страхомъ смерти, брать уроки иностранныхъ языковъ и разныхъ наукъ у голландцевъ, англичанъ, нѣмцевъ и французовъ. Вскорѣ затѣмъ, многіе изъ самурайевъ южныхъ провинцій отправились путешествовать по Европѣ и Америкѣ, чтобы на мѣстѣ изучать нравы, обычаи, степень могущества и культуру различныхъ націй. На поѣздки заграницу издавна лежалъ строгій запретъ тайкуната; но иностранцы предложили свои услуги, чтобъ обмануть правительство и вызвались тайно переправлять туристовъ-любителей на своихъ корабляхъ, куда имъ заблагоразсудится. Такимъ образомъ, въ 1860—1861 г., нѣсколько молодыхъ самурайевъ изъ провинцій Зацума и Хошу уѣхали въ Европу и Америку; въ числѣ ихъ находились теперешніе посланники въ Парижѣ, Лондонѣ и Вашингтонѣ, нѣкоторые министры и начальникъ желѣзнодорожнаго вѣдомства; кромѣ того множество молодежи было принято на англійскія суда, для изученія мореходства. Всѣ эти бѣглецы вернулись домой не ранѣе начала реставраціи, въ 1868 г., совершенными европейцами.

Во главѣ движенія провинціи Зацума стоялъ мѣстный владѣтельный князь, дядя настоящаго правителя; провинція эта вообще была самая передовая: она первая ввела у себя различныя иностранныя учрежденія, первая пріобрѣла для себя пароходы; задолго еще до реставраціи, когда на всемъ чужеземномъ тяготѣлъ запретъ тайкуната, владѣтельный князь Зацума вызвалъ къ себѣ европейскихъ инженеровъ, поручивъ имъ устроить въ Ліукіу давильню для сахарнаго тростника, выстроилъ въ своей столицѣ бумагопрядильную фабрику и пушечный литейный заводъ.

Въ провинціи Хошу вожаками движенія были самые высокообразованные самураи, профессора китайскихъ наукъ, которые увлекли за собою всю мѣстную молодежь; однако, это не помѣшало имъ энергически возстать противъ тайкуна за подписаніе имъ трактата съ иностранцами и требовать изгнанія послѣднихъ. Но когда большинство этой партіи погибло въ безпрерывныхъ заговорахъ, то уцѣлѣвшимъ членамъ ея пришлось наконецъ убѣдиться, что изгнаніе иностранцевъ вещь невозможная.

Та молодежь, которая уѣзжала за границу и вернулась потомъ въ отечество, составляетъ теперь ядро, такъ-называемой, младояпонской партіи; она съумѣла очень ловко захватить въ свои руки, послѣ реставраціи, бразды правленія и удерживаетъ ихъ до сихъ поръ; сверхъ того ей удалось привлечь на свою сторону всѣхъ выдающихся по уму людей въ своихъ двухъ провинціяхъ и провести, при помощи ихъ, политику мира, наперекоръ придворной знати, пылавшей непримиримой ненавистью ко всему иностранному.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Фридрихъ Шопенъ.

Ст. П. В. Га—на.

(Продолженіе.)



ъ 1825 году, Ф. Шопенъ шестнадцати лѣтъ игралъ въ присутствіи Александра I, въ Варшавѣ, на вновь изобрѣтенномъ въ то время инструментѣ, подъ названіемъ «Aelomelodicon», и произвелъ своею игрой на государя такое впечатлѣніе, что получилъ на память брильянтовый перстень. Принятое въ томъ же году Шопеномъ участіе въ двухъ концертахъ, данныхъ съ благотворительною цѣлью, имѣвшихъ чрезвычайный успѣхъ, и тѣ оваціи, которыя оказаны были публикой юному пьянисту, послужили основаніемъ рѣшимости его родныхъ предоставить Фридриху полную свободу въ его музыкальныхъ занятіяхъ. И вотъ юный артистъ съ увлеченіемъ посвящаетъ все время музыкѣ и тѣмъ отчасти вредитъ своему здоровью. Въ это время младшая сестра Шопена, по совѣту докторовъ, должна была ѣхать въ Силезію для леченья купаньями въ г. Рейнерцъ. Сопутствовать ей предложили Фридриху, который, узнавъ во время пребыванія въ Рейнерцѣ о смерти одной вдовы, оставившей сиротами дѣтей безъ всякихъ средствъ не только для дальнѣйшаго существованія, но и для ея похоронъ, поспѣшилъ дать концертъ и собранную довольно значительную сумму отдалъ въ пользу сиротъ. Вскорѣ послѣ концерта Шопенъ переѣхалъ въ имѣніе крестной своей матери, сестры графа Скарбека, Веселовской. По сосѣдству съ этой усадьбой жилъ въ своей лѣтней резиденціи князь Антонъ Радзивилъ, намѣстникъ великаго герцогства Познанскаго. Князь былъ не только страстный любитель и знатокъ музыки, но и составилъ себѣ извѣстность композитора музыкальнымъ сочиненіемъ, написаннымъ имъ къ первой части «Фауста» Гёте. Князь хорошо игралъ на віолончели и обладалъ при этомъ пріятнымъ теноромъ. У него еженедѣльно собирались знатоки и любители музыки для слушанія квартетовъ Гайдена, Моцарта, Бетховена и другихъ классиковъ. Князь Радзивилъ принималъ участіе въ квартетахъ, играя на віолончели. Шопенъ, приглашенный однажды княземъ въ его помѣстье, очаровалъ хозяина своимъ необыкновеннымъ талантомъ. Когда въ маѣ 1829 г. Радзивилъ, въ качествѣ представителя отъ прусскаго двора, былъ присланъ на коронацію Николая I и, находясь проѣздомъ въ Варшавѣ, посѣтилъ Фридриха Шопена въ домѣ

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ КЕППЕНА.



Псовая охота. (Стихотвореніе Н. А. Некрасова.)

Рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Я. МАТЕЙКО.

Осужденный на голодную смерть.

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ».

его родныхъ и приглашалъ юнаго артиста навѣстить его въ Познани, когда представится случай. Личныя сношенія князя Радзивила съ Шопеномъ въ октябрѣ того же года закончились свиданіемъ въ Познани, тогда какъ первый изъ біографовъ Шопена, другъ его, Листъ, выражаетъ мнѣніе, что отношенія князя свиданіемъ этимъ не кончились и что Радзивилъ не разъ оказывалъ значительную матеріяльную помощь для успѣшнаго образованія молодого пьяниста. Въ этомъ мнѣніи Листа нѣтъ и тѣни правды. Всѣ родные Шопена, какъ равно и близкіе его друзья, горячо протестуютъ касательно матеріяльной помощи Радзивила. Такъ говоритъ Карасовскій, близко знавшій мать Шопена и сестеръ его. Получая достаточныя средства отъ значительнаго числа пансіонеровъ изъ среды богатыхъ польскихъ фамилій, отецъ Фридриха не могъ не имѣть возможности для покрытія всѣхъ расходовъ по образованію единственнаго сына, составлявшаго гордость своей семьи. Здѣсь кстати сказать, что Шопенъ въ доказательство уваженія своего къ творцу музыки къ «Фаусту» Гёте посвятилъ ему «Тріо для фортепьяно, скрипки и віолончели» (соч. 8), написанное имъ вскорѣ послѣ свиданія съ Радзивиломъ въ Варшавѣ. Съ окончаніемъ выпускного экзамена изъ варшавскаго лицея въ 1827 г., Ф. Шопенъ еще болѣе предался занятіямъ музыкой. Послѣдній его учитель, директоръ варшавской консерваторіи, Эльснеръ, уговорилъ отца Шопена отправить сына для знакомства съ музыкальными знаменитостями въ Берлинъ или въ Вѣну. Случай къ тому представился въ слѣдующемъ году, когда другъ отца Фридриха, професоръ Яроцкій, былъ приглашенъ Гумбольдтомъ на конгресъ естествоиспытателей въ Берлинъ. Съ нимъ Ф. Шопенъ уѣхалъ изъ Варшавы, не сознавая въ себѣ таланта до того, что, встрѣтивъ въ Берлинѣ извѣстныхъ пьянистовъ: Спонтини, Цельтера и Мендельсона-Бартольди, не рѣшился познакомиться съ ними, а тѣмъ болѣе играть въ ихъ присутствіи. Въ первый разъ, со времени отъѣзда изъ Варшавы, и то на обратномъ пути изъ Берлина, Шопенъ рѣшился играть при постороннихъ. На почтовой станціи, въ городкѣ Цюлихау, въ ожиданіи лошадей, Шопенъ увидѣлъ въ квартирѣ почтмейстера фортепьяно и, къ удивленію, нашелъ его настроеннымъ. Не обращая вниманія на присутствующихъ, онъ началъ импровизировать. Вскорѣ онъ былъ окруженъ другими проѣзжими и всею семьей почтмейстера, слушавшихъ съ восхищеніемъ игру его, какъ вдругъ, въ растворенное окно послышался громкій голосъ почтальона: «Господа! лошади готовы!» Шопенъ вскочилъ съ своего мѣста и направился къ дверямъ, но былъ остановленъ общими просьбами продолжать игру.

Почтмейстеръ выразилъ готовность дать курьерскихъ лошадей, если Шопенъ доиграетъ пьесу. Жена и взрослыя дочери хозяина присоединили свою просьбу и Шопенъ окончилъ «Фантазію на польскія пѣсни» (соч. 13). Принесли вино и хозяинъ предложилъ тостъ за здоровье артиста, а мѣстный органистъ сказалъ Шопену: «Я знаю толкъ въ музыкѣ и давно занимаюсь ею; я также играю на фортепьяно, потому и могу оцѣнить достоинство вашей мастерской игры. Если бы Моцартъ слышалъ здѣсь васъ, онъ пожалъ бы вамъ руку и закричалъ бы: «браво!», Я, какъ человѣкъ неизвѣстный, не смѣю сдѣлать ни того, ни другого». Эти слова глубоко тронули Шопена и онъ часто вспоминалъ ихъ впослѣдствіи.

Когда же, на прощанье, Шопенъ сыгралъ еще мазурку, то почтмейстеръ обнялъ его и на рукахъ отнесъ до экипажа, говоря со слезами! «Я буду съ восхищеніемъ вспоминать о Фридрихѣ Шопенѣ всю жизнь мою и никогда не забуду его игру!» По возвращеніи изъ Берлина, Шопенъ не долго оставался въ Варшавѣ и въ іюлѣ 1829 г. по настоянію родныхъ отправился въ Вѣну, съ цѣлью дать концертъ. Въ письмахъ изъ Вѣны онъ сообщалъ, между прочимъ, о радушномъ пріемѣ издателя его сочиненій, Газлингера, многихъ пьянистовъ и любителей музыки, которые уговаривали его поспѣшить дать концертъ, увѣряя, что Вѣна много потеряетъ, если онъ оставитъ ее, не давъ насладиться его удивительной игрой. «Все это кажется мнѣ чрезвычайно страннымъ и я не могу понять подобныхъ увѣреній людей, еще не слыхавшихъ моей игры въ большомъ собраніи. Многіе увѣряютъ меня, что игра моя произведетъ фуроръ и что я достойно могу занять мѣсто въ ряду такихъ замѣчательныхъ пьянистовъ, какъ Герцъ и Калькбреннеръ. Графъ Галенбергъ предложилъ мнѣ дать концертъ въ его театрѣ, узнавъ, что я не намѣренъ играть за деньги, а только пожинать лавры въ такомъ музыкальномъ, какъ Вѣна, городѣ».— Такъ писалъ Шопенъ къ роднымъ своимъ. Въ зданіи императорской оперы, 11 августа 1829 г. Шопенъ явился предъ вѣнскою публикой въ первый разъ. Вотъ програма концерта: «Увертюра Бетховена. Варьяціи Шопена. Пѣвіе г-жи Фельтгеймъ. Краковякъ Шопена. Въ заключеніе концерта небольшой балетъ». Впечатлѣніе игры Шопена на публику было потрясающее. Криками «браво» встрѣчали и провожали его, и по окончаніи вызывали нѣсколько разъ. Только одно замѣчаніе было сдѣлано Шопену друзьями его, что онъ игралъ тихо или, вѣрнѣе, слишкомъ нѣжно для публики, которая привыкла къ сильной и шумной игрѣ вѣнскихъ пьянистовъ. «Если газеты такъ раскритикуютъ мою игру, что мнѣ совѣстно будетъ продолжать играть публично, то я твердо рѣшился сдѣлаться маляромъ, потому что такое занятіе несравненно легче и при томъ все же остаешься художникомъ!» Вотъ что писалъ Шопенъ, незная еще отзывовъ музыкальныхъ критиковъ о своей игрѣ. Вѣнская аристократія была очарована его игрою и графу Дитрихштейну, въ семействѣ котораго особенно радушно былъ принятъ Шопенъ, удалось уговорить его дать еще концертъ, который и состоялся 17 августа; пріемъ публики на этотъ разъ былъ еще сердечнѣе. Шопенъ игралъ «Рондо» (соч. 5), и потомъ импровизировалъ. Боясь, чтобы не упросили его дать и третій концертъ, Шопенъ рѣшился уѣхать изъ Вѣны. Чрезъ Прагу и Теплицъ, онъ прибылъ въ Дрезденъ.

Во время короткаго пребыванія въ г. Теплицѣ Шопенъ былъ введенъ однимъ изъ встрѣченныхъ имъ друзей въ домъ князя Клари, владѣтеля города Теплица. Когда на вечерѣ у князя, хозяйка дома просила Шопена познакомить гостей съ его талантомъ, то Шопенъ предложилъ, обращаясь къ дочерямъ князя, задать ему тему для импровизаціи. Темою была дана опера Россини «Моисей въ Египтѣ». Съ окончаніемъ импровизаціи Шопена окружили присутствующіе и въ восторгѣ отъ игры его просили остаться погостить у нихъ, въ Теплицѣ.

Не желая разставаться съ друзьями, съ которыми Шопенъ путешествовалъ, онъ отклонилъ предложеніе, но сыгралъ еще нѣсколько пьесъ и, получивъ рекомендательное письмо къ оберъ-церемоніймейстеру двора саксонскаго короля, уѣхалъ на слѣдующій день въ Дрезденъ, для осмотра знаменитой картинной галлереи и живописныхъ окрестностей города. Второе путешествіе, сдѣланное Шопеномъ, принесло ему большую пользу. Концерты, данные имъ съ блестящимъ успѣхомъ въ Вѣнѣ, пробудили въ немъ сознаніе въ своемъ талантѣ и убѣдили, что друзья и родные его не ошиблись, когда одобряли рѣшимость его посвятить себя артистической карьерѣ. Знакомство съ многими замѣчательными пьянистами, а равно и пребываніе въ Краковѣ, Вѣнѣ, Прагѣ, Дрезденѣ и Бреславлѣ, дало ему матеріялъ для болѣе зрѣлыхъ сужденій.

Письма къ роднымъ и друзьямъ Шопенъ писалъ по-польски; начало его писемъ было замѣчательно по красотѣ почерка, но чѣмъ ближе письма приходили къ концу, тѣмъ торопливѣе и крупнѣе дѣлался его почеркъ. Нервная натура Ф. Шопена выражалась даже въ этихъ мелочахъ. Но нервность натуры не мѣшала ему быть довольно здоровымъ и цвѣтущимъ юношей. Что же касается до увѣренія нѣкоторыхъ біографовъ о слабости его здоровья и постоянной болѣзненности его организма, то подобныя свѣдѣнія, сообщаемыя только по слухамъ, не имѣли основанія, какъ утверждаетъ новѣйшій біографъ Шопена, Карасовскій, знавшій коротко семью знаменитаго пьяниста. Преувеличеніямъ всегда вѣрится болѣе, чѣмъ правдѣ. «Люди довѣряютъ правдѣ потому такъ мало, что она чрезвычайно проста», сказалъ великій поэтъ Гёте и слова его невольно приходятъ на мысль въ этомъ случаѣ. О Шопенѣ говорили и писали, что онъ, будучи еще юношей, страдалъ неизлечимою болѣзнью, ежедневно угрожавшею ему смертью. Этотъ преувеличенный слухъ, вѣроятно, и послужилъ основаніемъ для Листа, написать въ біографіи Шопена, между прочимъ, слѣдующее: «Шопенъ имѣлъ сходство съ тѣми идеальными существами, которыя въ средніе вѣка могли служить моделями для украшенія храмовъ. Ангельской красоты и граціозный, какъ прекрасная свѣтская женщина, онъ казался какимъ-то юнымъ божествомъ съ Олимпа... Ежедневно воображая, что близокъ часъ его смерти, Шопенъ, подъ вліяніемъ этой мысли, съ благодарностью принималъ всѣ заботы одного изъ своихъ друзей о сохраненіи его здоровья, скрывая отъ друга тотъ короткій срокъ жизни, какой оставался ему. Обладая твердою волей, Шопенъ говорилъ о своей близкой смерти съ какимъ-то страннымъ увлеченіемъ». Подобное, отчасти противорѣчащее мнѣніе Листа не совпадаетъ съ дѣйствительностью. Фридрихъ Шопенъ не былъ вовсе одаренъ ангельской красотою и женственной граціей, какъ равно и не имѣлъ сходства съ юнымъ божествомъ съ Олимпа. Еще менѣе Шопенъ могъ думать ежедневно о близкомъ концѣ своей жизни. Вся переписка его съ родными доказываетъ рѣдкую веселость его нрава. Въ своихъ путешествіяхъ Шопенъ обращалъ на все самое живое вниманіе; въ восьмидневное пребываніе въ Вѣнѣ онъ успѣлъ дать два концерта, посѣщалъ театры, дѣлалъ множество визитовъ и написалъ нѣсколько писемъ, полныхъ юмора и замѣчательной наблюдательности. Въ то время, о которомъ говорилъ Листъ, здоровью Шопена не угрожала вовсе опасность; только десять лѣтъ спустя, когда онъ жилъ въ Парижѣ пользуясь всѣми удовольствіями, его здоровье дѣйствительно разстроилось. По увѣренію живущаго и теперь въ Варшавѣ Вильгельма фонъ-Кольберга, друга дѣтства и товарища Шопена по лицею, знавшаго его и послѣ долгое время, втеченіи двадцати пяти лѣтъ своей жизни Шопенъ былъ серьезно болѣнъ всего одинъ разъ, вслѣдствіе сильной простуды.

Восторженные газетные отзывы вѣнскихъ музыкальныхъ критиковъ о талантѣ Шопена возбудили въ Варшавѣ общее къ нему сочувствіе и внушили отцу Шопена мысль серьезно позаботиться о дальнѣйшемъ развитіи сына, который считался въ Варшавѣ уже замѣчательнымъ пьянистомъ и композиторомъ. Написанныя въ то время Шопеномъ сочиненія могутъ считаться въ числѣ лучшихъ позднѣйшихъ его произведеній. По совѣту Эльснера было рѣшено отправить Шопена сперва въ Италію, а потомъ въ Парижъ на два года. До отъѣзда изъ Варшавы онъ далъ три концерта, имѣвшіе блистательный успѣхъ. Послѣ второго концерта Шопену былъ присланъ отъ

почтительницъ его таланта громадный букетъ цвѣтовъ съ посвященнымъ ему стихотвореніемъ. Оба концерта доставили ему 5,000 гульденовъ. Въ октябрѣ 1830 года, послѣ третьяго концерта, доставившаго Шопену многочисленныя оваціи и восторженныя похвалы всѣхъ варшавскихъ газетъ, предсказавшихъ ему блестящую будущность, Шопенъ покинулъ свою родину, не предчувствуя, что оставляетъ ее навсегда.

По пріѣздѣ въ Калишъ, Шопена просили дать концертъ; оставшись недоволенъ оркестромъ, безъ котораго немыслимо было играть предъ публикой, такъ какъ по обычаю того времени піанистъ, дающій концертъ, былъ обязанъ сыграть не менѣе двухъ пьесъ съ оркестромъ, Шопенъ отказался отъ предложенія играть въ Калишѣ. Съ пріѣздомъ туда его лучшаго друга, Тита Войцеховскаго, Шопенъ продолжалъ путешествіе съ нимъ. Въ Бреславлѣ, во время репетиціи одного концерта, Шопенъ былъ приглашенъ въ качествѣ гостя, и когда по просьбѣ капельмейстера Шнабеля, неслыхавшаго послѣдніе четыре года игры Шопена, онъ, пробуя рояль, съигралъ нѣсколько варіяцій, то Шнабель пришелъ въ восторгъ, а бывшій тутъ же піанистъ Гельвигъ такъ былъ озадаченъ его игрою, что отказался отъ участія въ концертѣ. Тогда Шопена уговорили замѣнить Гельвига.

«Слушая мою игру, пишетъ Шопенъ, публика не знала хвалить меня или нѣтъ, такъ какъ я не былъ еще извѣстенъ. Настоящіе музыканты и тѣ не знали, что сказать о моихъ сочиненіяхъ: дѣйствительно-ли хороши они или только казались такими? Впрочемъ одинъ изъ публики заявилъ мнѣ, что онъ находитъ игру мою совершенно новою по формѣ и исполненію и что она ему нравится. Я полагаю, что сказавшій это лучше другихъ понялъ меня въ этотъ вечеръ».

По пріѣздѣ въ Дрезденъ, Шопенъ былъ приглашенъ къ одному изъ любителей музыки на вечеръ, гдѣ нашелъ значительное общество дамъ, сидѣвшихъ за восемью большими столами. «Блескъ брильянтовыхъ серегъ и колецъ не такъ поразили меня, писалъ Шопенъ, какъ безпрерывное движеніе въ рукахъ у дамъ стальныхъ вязальныхъ иголъ. Всѣ дамы заняты были вязаніемъ чулокъ. Число этихъ иголъ было такъ велико, что если бы произошло возмущеніе дамъ противъ мужчинъ, присутствовавшихъ на вечерѣ, то послѣднимъ пришлось бы плохо, такъ какъ у нихъ всѣ средства для обороны заключались въ очкахъ, которыхъ было также много, какъ и лысыхъ головъ». Проживъ недѣлю въ Дрезденѣ и получивъ рекомендательныя письма въ Неаполь, Миланъ и въ Римъ, Шопенъ уѣхалъ въ Вѣну.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Комета.

(Разсказъ **Эркмана Шатріана**, переводъ **М. Минутъ**.)



Въ прошломъ году, передъ самой масляницей, въ Гюнебургѣ, прошелъ слухъ, что наступаетъ конецъ свѣта. Первый возвѣстилъ эту непріятную новость Захарій Пиперъ изъ Кольмара; объ ней писали и въ «Хромомъ Вѣстникѣ», и въ «Образцовомъ Христіанинѣ», и въ пятидесяти другихъ альманахахъ. Захарій Пиперъ вычислилъ, что комета упадетъ съ неба во вторникъ на масляной, что хвостъ ея длиной въ тридцать пять милліоновъ лье и будетъ въ видѣ кипящей воды, такъ что, пройдя по землѣ, растопитъ снѣга самыхъ высокихъ горъ, изсушитъ деревья и истребитъ весь родъ людской.

Правда, почтенный парижскій ученый Попино писалъ позднѣе, что хотя комета несомнѣнно появится, но что ея хвостъ будетъ изъ такихъ легкихъ газовъ, что не причинитъ никому ни малѣйшаго неудобства; что каждый можетъ спокойно заниматься своимъ дѣломъ; что онъ ручается за спокойствіе вселенной.

Это увѣреніе сначала успокоило умы. Но, къ несчастью, въ Генебургѣ проживала старая пряха, по имени Марія Финкъ, маленькая, сморщеная старушка, съ которой жители городка всегда совѣтывались во всѣхъ щекотливыхъ случаяхъ. Она квартировала въ улицѣ «Трехъ горшковъ», въ маленькой комнаткѣ, въ которой потолокъ былъ расписанъ самыми диковинными узорами. Сама она всегда была одѣта въ старомодные наряды и питалась одними пирожками, что очень возвышало ее въ общемъ мнѣніи.

Марія Финкъ, вмѣсто того, чтобы согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго г. Попино, приняла сторону Захарія Пипера, говоря:

— Обратитесь къ Богу и молитесь; покайтесь во всѣхъ грѣхахъ, чествуйте церковь, конецъ свѣта близокъ... близокъ!

На одной изъ стѣнъ ея комнаты висѣло изображеніе ада, въ который люди стремились по усыпанной цвѣтами дорожкѣ. Никто изъ нихъ не подозрѣвалъ, куда ведетъ ихъ этотъ путь; всѣ шли приплясывая, одни съ бутылкой въ рукахъ, другіе тащили окорокъ, третьи связку сосисекъ. Гудочникъ въ шляпѣ, убранной цвѣтами, игралъ на кларнетѣ для увеселенія во время пути; многіе обнимали кумушекъ и всѣ несчастные безпечно стремились въ адское пламя, въ которомъ уже гибли шедшіе впереди, руки которыхъ были протянуты впередъ, а ноги болтались въ воздухѣ.

Представьте себѣ думы каждаго мыслящаго существа, при видѣ этой знаменательной картины. Нѣтъ такого добродѣтельнаго человѣка, у котораго не было бы за душой кое-какихъ грѣшковъ и никто не можетъ льстить себя увѣренностью возсѣсть одесную своего Создателя! Да, надо быть очень отважнымъ, чтобы рѣшиться это себѣ вообразить; это было бы признакомъ чудовищной гордости. Разсуждая о печальной участи, которая можетъ ожидать каждаго на томъ свѣтѣ, большинство нашего общества рѣшило: «не справлять масляницы, а провести вторникъ въ раскаяніи и сердечномъ сокрушеніи». Никогда не было видано ничего подобнаго. Полковой адъютантъ, комендантъ крѣпостцы, а также и офицеры 3-го полка, расположеннаго въ Гюнебургѣ, были въ большемъ горѣ. Всѣ приготовленія къ празднеству сдѣланы, большую залу мэріи убрали мхомъ и арматурой, для оркестра устроили возвышеніе, заготовили различные напитки, и пиво, и ликеры, и прохладительные, и все это напрасно: дѣвицы и слушать не хотѣли о танцахъ.

— Я не золъ, говорилъ мнѣ сержантъ Дюшенъ, —но ужь попадись мнѣ вашъ Захарій Пиперъ, я ему покажу!

Особенно огорчены были: Даніель Шпицъ, секретарь ратуши, Жеромъ Берта, сынъ почтмейстера, сборщикъ податей, Дюжарденъ и я. За недѣлю до праздника мы ѣздили въ Страсбургъ, чтобы добыть себѣ костюмы. Дядя Тоби раскошелился для меня на пятьдесятъ франковъ: «пусть все будетъ какъ можно лучше», рѣшилъ онъ. Я выбралъ у г-жи Дардене костюмъ Пьеро. Костюмъ этотъ состоитъ изъ широкой рубахи съ длинными рукавами, убранной пуговицами огромной величины. На голову надѣвается черная ермолка, лицо обсыпается мукой и если еще притомъ обладаешь длиннымъ носомъ и впалыми щеками, то выходитъ очень забавно.

Дюжарденъ, по милости своей толщины, выбралъ костюмъ турка, весь расшитый по швамъ; Шпицъ придумалъ нарядиться полишинелемъ; его нарядъ состоялъ изъ разныхъ кусковъ, красныхъ, зеленыхъ, желтыхъ, спереди и сзади горбъ, на затылкѣ большая шляпа — просто прелесть. Жеромъ Берта долженъ былъ изображать собою дикаря, т. е. облечься въ костюмъ изъ перьевъ попугая. Мы заранѣе были увѣрены, что отобьемъ у военныхъ всѣхъ дѣвицъ.

И можно-ли было, послѣ такихъ хлопотъ, спокойно смотрѣть, какъ, по милости шальной старухи или Захарія Пипера, мы лишались такого удовольствія; тутъ было отчего возненавидѣть весь родъ людской. Да и какже иначе: люди всегда одинаковы, кто дурѣе, тотъ умнѣе.

Наконецъ насталъ вожделенный вторникъ. Весь этотъ день шелъ снѣгъ. Народъ глазѣетъ во всѣ стороны—кометы нигдѣ не видно. Дѣвицы очень смущены; молодежь полетѣла къ тетушкамъ, сестрамъ, бабушкамъ, однимъ словомъ, всюду...

— Видите теперь, что старуха Финкъ дура; комета и не думаетъ появляться. Да развѣ зимой бываютъ кометы? Онѣ всегда являются во время уборки винограда. Ну же, рѣшайтесь скорѣй, еще время не ушло.

Военные тоже не теряли времени; солдаты осадили кухни и взбаламутили служанокъ. Публика подбодрилась. Старики и старухи подъ руку направились въ мэрію, чтобы полюбоваться на убранство залы, гдѣ во всемъ величіи сіяло солнце изъ сабель и кинжаловъ, а между окнами развѣвались небольшія трехцвѣтныя знамена, возбуждая всеобщій восторгъ. Настроеніе духа внезапно измѣнилось: всѣ вспомнили, что сегодня масляничный вторникъ; дѣвицы торопились наряжаться.

Въ десять часовъ большая зала мэріи наполнилась; наша взяла, ни одна изъ гюнебургскихъ красотокъ не отказалась отъ приглашенія. Кларнеты, трубы и барабаны оглашали воздухъ, наигрывая неистовые вальсы; за ними шли кадрили; молодежь была въ невыразимомъ восторгѣ; матушки и бабушки, сидѣвшія вдоль стѣнъ, смѣялись отъ чистаго сердца. Въ буфетѣ была толкотня, недоставало прохладительныхъ дамамъ и дядя Цимеръ не оплошалъ, взявъ съ торговъ поставку съѣстныхъ припасовъ и напитковъ.

Многіе такъ угостились, что спотыкались по лѣстницѣ, а на улицѣ по прежнему шелъ снѣгъ. Дядя Тоби далъ мнѣ ключъ, чтобы я могъ возвратиться домой никого не безпокоя. До двухъ часовъ я не пропустилъ ни одного танца, наконецъ въ свою очередь утомился отъ угощенья. Я вышелъ. На воздухѣ я почувствовалъ себя лучше и принялся размышлять, что мнѣ сдѣлать, идти-ли спать или воротиться на балъ. Мнѣ хотѣлось еще потанцовать, но меня сталъ клонить сонъ. Наконецъ я рѣшилъ идти домой и пустился по улицѣ св. Сильвестра, придерживаясь за стѣны и награждая самого себя различными поученіями.

Минутъ десять шелъ я такимъ образомъ и уже обогнулъ фонтанъ, какъ вдругъ, повернувъ случайно голову, я вижу за деревьями кругъ въ видѣ луны; красный, какъ раскаленный уголь, шаръ медленно двигался. Онъ былъ еще далеко отъ насъ, но скорость его движенія такъ усиливалась, что онъ скоро долженъ былъ явиться надъ нашими головами.

— Это комета! Захарій Пиперъ былъ правъ! вскричалъ я.

И, не сознавая своихъ дѣйствій, я обернулся и со всѣхъ ногъ побѣжалъ въ мэрію. Я вбѣжалъ на лѣстницу, толкая всѣхъ встрѣчныхъ и закричалъ, не помня себя:

— Комета, комета!

Танцы были въ самомъ разгарѣ: барабанъ гремѣлъ, кавалеры выдѣлывали замысловатыя па, дѣвицы были красны, какъ макъ; но когда раздался въ залѣ мой ужасный возгласъ, наступила глубокая тишина и всѣ, обернувшись, смотрѣли другъ на друга съ блѣдными вытянутыми лицами.

Сержантъ Дюшенъ бросился ко мнѣ и зажалъ мнѣ рукою ротъ:

— Съ ума вы сошли, что-ли, замолчите!

Но я стремился впередъ, повторяя съ отчаяніемъ:

— Комета, комета!

Но уже на лѣстницѣ поднялся невообразимый гвалтъ; мужчины толпились у выхода, женщины охали, поднялась ужасная суматоха. Старухи, увлеченныя масляничнымъ вторникомъ, воздѣвали руки къ небу и бормотали, заикаясь: «Господи Іисусе, Господи!»

Въ нѣсколько минутъ зала опустѣла. Дюшенъ выпустилъ меня и я облокотился на окошко и смотрѣлъ съ утомленіемъ, какъ толпа бѣжала по улицѣ; потомъ я вышелъ, тоже сходя съ ума отъ ужаса и отчаянія.

Проходя мимо буфета я увидѣлъ тамъ маркитантку Катерину Лагутъ съ капраломъ Букэ, они осушали остатки пунша:

— Ужь за одно, одинъ конецъ! твердили они.

Внизу на ступеняхъ лѣстницы тоже сидѣли гости и громко исповѣдывались другъ передъ другомъ. Одинъ говорилъ: «я лихоимецъ»; другой увѣрялъ, что у него фальшивые вѣсы; третій обвинялъ себя въ томъ, что обыгрывалъ на вѣрняка своихъ ближнихъ. Говорили всѣ вдругъ и время отъ времени взывали къ Богу: «Господи, сжалься надъ нами!» Я увидалъ тутъ же стараго булочника Февра и тетушку Лорицъ. Они, какъ погибшіе, били себя въ грудь. Но все это меня не занимало; мнѣ въ пору было подумать о своихъ грѣхахъ. Я скоро догналъ толпу около фонтана. Тутъ-то надо было слышать настоящіе вопли; уже всѣ увидали комету, мнѣ показалось, что она увеличилась вдвое; она испускала лучи; среди глубокаго мрака она краснѣла какъ кровь! Толпа, стоя въ тѣни, не переставала хныкать плачевнымъ тономъ:

— Конецъ насталъ, конецъ, о Господи, мы погибли! слышалось съ разныхъ сторонъ.

Женщины призывали св. Іосифа, св. Христофора, св. Николая и наконецъ всѣхъ святыхъ.

Въ это мгновеніе я вспомнилъ всѣ мои грѣхи и ужаснулся самого себя. У меня прильнулъ языкъ къ гортани, когда я подумалъ, что мы всѣ будемъ въ адскомъ пламени; возлѣ меня стоялъ на костыляхъ старый нищій Бальтазаръ. Я обнялъ его говоря:

— Бальтазаръ, когда ты будешь на лонѣ Авраамовомъ, сжалься надо мной!

Онъ отвѣчалъ мнѣ рыдая:

— Я великій грѣшникъ, г. Христіанъ, вотъ ужь тридцать лѣтъ я изъ-за лѣности обманываю общину, потому что вѣдь у меня ноги-то здоровыя!

Мы плакали въ объятіяхъ другъ друга. Вотъ такъ-то будетъ и на страшномъ судѣ; короли и слуги, дворяне и оборванцы, никто не будетъ стыдиться другъ друга; всѣ будутъ равны какъ братья, и гладко выбритый франтъ не побоится облобызать своего ближняго съ всклокоченной бородой, потому что огонь очищаетъ все, а страхъ сожженія смягчаетъ сердце. О, не будь ада, не было-бы столько добрыхъ христіанъ.

Мы ужь съ четверть часа стояли на колѣняхъ, какъ вдругъ появился запыхавшійся сержантъ Дюшенъ. Онъ добѣжалъ до арсенала и вернулся по Капуцинской улицѣ.

— Ну, вскричалъ онъ,—чего же вы воете?

Тутъ онъ увидѣлъ комету.

— Ахъ чортъ возьми, это что такое?

— Конецъ свѣта, сержантъ, сказалъ Бальтазаръ.

— Конецъ свѣта?

— Да, это комета.

Тутъ онъ принялся страшно ругаться:

— И на грѣхъ адъютанта тутъ нѣтъ, я бы хоть узналъ, есть-ли объ этомъ въ приказѣ?

Потомъ онъ обнажилъ саблю и направился вдоль забора крича:

— Впередъ, мнѣ наплевать на все, я заслужу награду.

Всѣ восхитились его мужествомъ, и я самъ, увлеченный его смѣлостью, поплелся за нимъ. Мы таращили глаза и тихо подвигались впередъ, не теряя изъ виду комету, которая все увеличивалась, конечно, оттого что каждую секунду она проходила мильярды лье. Наконецъ мы подошли къ монастырю капуциновъ. Комета казалось поднялась выше. По мѣрѣ нашего приближенія она все поднималась выше и выше, такъ что Дюшенъ едва не свихнулъ себѣ шеи. Я отсталъ отъ него шаговъ на двадцать и комета, казалось мнѣ, была у насъ въ сторонѣ. Я спрашивалъ себя, благоразумно-ли двигаться дальше, какъ вдругъ сержантъ остановился.

— Чортъ возьми! вскричалъ онъ,—да это фонарь съ рефлекторомъ!



(Къ ст. Комета.) — Чортъ возьми! вскричалъ онъ,—да это фонарь съ рефлекторомъ.

— Фонарь, воскликнулъ я подходя,—можетъ-ли это быть?

Я онѣмѣлъ отъ удивленія.

И точно, то былъ старый монастырскій фонарь. Его никогда не зажигали по той причинѣ, что капуцины выбрались изъ нашей страны еще въ 1792 г., а въ Гюнебургѣ всѣ ложатся спать съ курами; но сторожъ Бурусъ, предвидя, что въ сегодняшній вечеръ будетъ много пьяныхъ, возъимѣлъ благую мысль вставить въ фонарь свѣчку, чтобы предостеречь гулякъ отъ паденія въ ровъ, окружающій монастырь, а самъ, конечно, улегся спать.

Мы прекрасно видѣли и ободокъ фонаря; огарокъ былъ величиной съ палецъ; когда дулъ вѣтеръ, огарокъ пылалъ; вотъ это-то мы и приняли за движеніе кометы.

Я, видя это, хотѣлъ бѣжать и извѣстить всѣхъ, но сержантъ удержалъ меня:

— Помолчи, пожалуйста, вѣдь когда узнаютъ, что мы ополчились на фонарь, надъ нами будутъ смѣяться. Погоди, я вотъ что сдѣлаю!

Онъ снялъ крюкъ и фонарь упалъ съ ужаснымъ шумомъ.

Послѣ этого подвига мы убѣжали.

Толпа еще долго ждала; но такъ какъ комета исчезла, зѣваки кончили тѣмъ, что успокоились и пошли спать.

На другой день разнесся слухъ, что комета исчезла по молитвѣ Маріи Финкъ; съ этого дня ее стали почитать еще усерднѣе.

Вотъ такія-то дѣла творились въ нашемъ славномъ городкѣ Гюнебургѣ.

Марья Николаевна Ермолова.

Помѣщая въ настоящемъ номерѣ портретъ Марьи Николаевны Ермоловой, мы хотѣли бы одновременно дать читателямъ и біографію этой даровитой артистки, которой очевидно предстоитъ еще впереди блестящая артистическая карьера, но писать ея біографію, понятно, еще рано. Какъ ни блистательны дебюты Марьи Николаевны, но во всякомъ случаѣ, и въ частномъ быту и въ сценической сферѣ она только еще начинаетъ жить полною жизнью. Вообще не легка задача біографа, желающаго безпристрастно описать жизнь живого, не сошедшаго со сцены дѣятеля, но задача эта все-таки несравненно легче, когда рѣчь идетъ о людяхъ, прошедшихъ уже большую часть жизненнаго пути, наконецъ, жизнь которыхъ богата фактами ихъ дѣятельности. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ артисткою, находящеюся еще такъ сказать, на первомъ этапѣ и жизненнаго и артистическаго пути. Заставая ее на этомъ первомъ этапѣ, мы поневолѣ должны ограничиться лишь собраніемъ нѣсколькихъ матеріяловъ, которыя всецѣло и представляемъ въ распоряженіе будущихъ біографовъ г-жи Ермоловой.

Съ характеромъ артистическаго дарованія Марьи Николаевны мы познакомили уже читателей «Жив. Об.», (№ 26). Мы не будемъ болѣе возвращаться къ разбору игры Марьи Николаевны, хотя послѣ появленія въ печати той статьи, даровитая артистка сыграла въ Ораніенбаумѣ, въ благородномъ собраніи и въ Красномъ селѣ еще четыре роли въ пьесахъ «Въ духѣ времени», «Грозѣ», «Каширской старинѣ» и «Уріэль Акоста». Говорить объ исполненіи этихъ ролей Марьей Николаевной значило бы повторять уже высказанное прежде. Замѣтимъ только мимоходомъ, что силою своего таланта, Марья Николаевна изъ второстепенныхъ (по пьесамъ) ролей Анны «Въ Духѣ времени» и Юдифи (а не Рахили, какъ было по ошибкѣ напечатано въ предъидущей нашей статьѣ) въ трагедіи Гуцкова «Уріэль Акоста», сдѣлала первенствующія и поглощающія вниманія зрителей роли. Намъ скажутъ, пожалуй, что это и не хитро сдѣлать при мизерности дарованій артистовъ, исполнявшихъ главныя (по пьесамъ) роли. Предвидя это возраженіе, мы должны напомнить, что въ обѣихъ пьесахъ главныя роли и на ораніенбаумскомъ и на красносельскомъ театрѣ, были исполнены очень старательно и хорошо. Въ пьесѣ «Въ духѣ времени» г-жа Ермолова должна была состязаться съ г-жею Дюжиковой, артисткой вообще не лишенной дарованія, которой роль женщины-дѣльца въ пьесѣ «Въ духѣ времени», какъ извѣстно, удалась лучше всѣхъ, до сихъ поръ исполненныхъ этою артисткою ролей. Въ «Уріэлѣ Акостѣ» главную роль Уріэля съ большимъ успѣхомъ и достоинствомъ исполнилъ провинціальный артистъ Стрѣльскій.

Давая отчетъ, въ предъидущей статьѣ, объ игрѣ г-жи Ермоловой, мы, въ виду малаго зна-

комства съ этою артисткою петербургской публики, передали о ней также нѣсколько самыхъ отрывочныхъ біографическихъ свѣденій. Свѣденія эти, почерпнутыя нами отчасти изъ появившейся нѣсколько лѣтъ тому назадъ замѣтки о г-жѣ Ермоловой въ журналѣ «Дѣло», отчасти изъ разсказовъ москвичей, лично знавшихъ г-жу Ермолову, мы имѣли съ тѣхъ поръ возможность досдополнить и исправить по источникамъ, за достовѣрность которыхъ можемъ вполнѣ ручаться.

Мы не ошиблись, назвавши Марью Николаевну самою молодою изъ выдающихся современныхъ русскихъ драматическихъ звѣздъ первой величины. Она родилась въ 1853 г., слѣдовательно ей теперь всего 26 лѣтъ.

Марья Николаевна Ермолова (по мужу Шубинская), какъ мы уже говорили, родилась въ Москвѣ; она дочь суфлера московскаго малаго театра. Въ дѣтствѣ съ нею повторилось то, что, какъ мы знаемъ изъ исторіи русскаго театра, случалось уже со многими свѣтилами нашего театра. Отецъ Марьи Николаевны былъ такъ бѣденъ, что не могъ бы дать ей сколько-нибудь порядочнаго воспитанія, не могъ бы даже помѣстить ее въ театральное училище, куда она и попала только благодаря добротѣ и сострадательности почтеннаго ветерана московской сцены И. В. Самарина, нѣсколько лѣтъ платившаго собственныя деньги за воспитаніе въ школѣ дочери бѣднаго суфлера, пока наконецъ начальство не соблаговолило принять воспитаніе даровитой дочери честнаго труженника на казенный счетъ. Вообще о добротѣ и расположеніи къ ней г. Самарина сама Марья Николаевна отзывается съ особою задушевностью и благодарностью. Помогши ей поступить въ школу, онъ не оставлялъ Марью Николаевну своими заботами и попеченіями и впослѣдствіи, онъ же лично руководилъ ея первыми шагами на сценѣ и проходилъ съ нею первыя ея роли.

Несмотря на проявлявшіяся въ Марьѣ Николаевнѣ съ самыхъ раннихъ лѣтъ богатые пробески ума и дарованія, ее готовили не для драматической сцены, а для балета. Марья Николаевна никогда не чувствовала ни малѣйшей склонности къ этой отрасли сценической дѣятельности, напротивъ, какъ удалось намъ узнать отъ ея сверстницъ, скорѣе даже питала къ хореграфическому искуству нѣкоторую антипатію, но, волей неволей, должна была тянуть лямку и послѣдніе годы своего пребыванія въ школѣ выступала даже въ качествѣ балетной фигурантки на сценѣ большого театра. Пребываніе въ балетѣ, впрочемъ, принесло свою долю пользы Марьѣ Николаевнѣ, хотя въ балетѣ она никогда не выходила изъ разряда танцовщицъ, пребывающихъ, говоря театральнымъ языкомъ, преимущественно «у воды»; въ высшей степени развитая, свободная и граціозная мимика Марьи Николаевны такъ много увеличивающая очарованіе ея игры, нѣтъ сомнѣнія есть все-таки слѣдъ пройденнаго ею полнаго курса танцовальнаго искуства.

Вырваться изъ тяготившей ее сферы хореграфическаго искуства на широкое раздолье давно увлекавшей молодую дѣвушку сферы драматическаго искуства, Марьѣ Николаевнѣ Ермоловой, какъ это опять повторяется въ жизни многихъ выдающихся актеровъ и актрисъ, удалось только благодаря неожиданному счастливому случаю.

Марья Николаевна исправно и добросовѣстно, хотя и неохотно, танцовала «у воды», въ тишинѣ вздыхая о невозможности осуществить свою завѣтную мечту: испробовать свои молодыя силы на облюбленныхъ подмосткахъ драматической сцены, когда произошелъ слѣдующій счастливый эпизодъ, повліявшій на дальнѣйшую судьбу молодой артистки, таланту которой, безъ этого эпизода, можетъ быть, такъ бы и пришлось заглохнуть въ далеко непривлядной обстановкѣ балетной фигурантки.

Въ Маломъ театрѣ долженъ былъ состояться бенефисъ извѣстной артистки г-жи Медвѣдевой, для котораго она выбрала умную, хотя и значительно уже устарѣвшую для нашего времени и не отличающуюся особенною сценичностью пьесу знаменитаго нѣмецкаго писателя Лессинга—«Эмилію Галотти». Главная роль въ пьесѣ предназначалась г-жѣ Федотовой. Болѣзнь или, можетъ быть, другія соображенія, заставили г-жу Федотову, незадолго до бенефиса, отказаться отъ роли. Оставалось или отмѣнить бенефисъ, или пріискать актрису для замѣщенія г-жи Федотовой. Дѣло было нелегкое, въ наличномъ составѣ труппы не было ни одной артистки, которая могла бы сколько-нибудь сносно и прилично замѣнить такую, уже въ то время знаменитую, артистку, какъ г-жа Федотова. Къ счастію, г-жа Медвѣдева вспомнила что между юными воспитанницами театральнаго училища есть одна даровитая дѣвушка, пущенная не по той дорогѣ, куда ее влекло ея безспорное дарованіе. Авторитетъ г. Самарина, отзывъ еще нѣсколькихъ лицъ, знавшихъ г-жу Ермолову, удостовѣрили г-жу Медвѣдеву, что въ этой молодой балетной фигуранткѣ кроются несомнѣнные задатки серьезнаго драматическаго дарованія. Г-жа Медвѣдева, познакомившись съ Марьей Николаевной Ермоловой, съ свойственнымъ ей артистическимъ чутьемъ сама прозрѣла драматическій талантъ въ юной танцовщицѣ и вотъ Марья Николаевна, числившаяся въ составѣ балетной труппы была допущена до дебюта на драматической сценѣ въ симпатичной, но не легкой, особенно для перваго дебюта роли, Эмиліи Галотти. Успѣхъ этого перваго дебюта превзошелъ ожиданія друзей и покровителей юной дебютантки. Благодаря успѣху перваго дебюта, Марья Николаевна, нѣсколько времени спустя, все еще считаясь воспитанницей театральнаго училища, выступила во второй серьезной роли въ драмѣ покойнаго Мея «Царская невѣста». Этотъ второй дебютъ Марьи Николаевны состоялся въ бенефисъ, пожалованный за долголѣтнюю службу отцу Марьи Николаевны.

Послѣ двухъ такихъ удачныхъ дебютовъ выпустить выказавшую несомнѣнное драматическое дарованіе дѣвушку въ балетъ было бы странно, и въ 1871 году М. Н. Ермолова выпущена изъ театральнаго училища въ драматическую труппу.

Выпущена она была, конечно, на ничтожный окладъ и впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, кромѣ оставшихся за нею двухъ дебютныхъ ролей, не получала никакихъ новыхъ серьезныхъ ролей. Лишь мало-по-малу начала она, лишенная всякой протекціи и, по характеру своему, чуждая всякаго искательства,—заработывать себѣ общую любовь публики и прочное положеніе на сценѣ. Въ настоящее время, послѣ восьмилѣтней службы, то и другое, конечно, безповоротно пріобрѣтено Марьею Николаевною. Въ настоящее время симпатіи московской публики почти поровну дѣлятся между Марьею Николаевною и г-жею Федотовой, въ настоящее время онѣ почти поровну дѣлятъ между собою и бремя драматическаго репертуара, а въ истекшемъ театральномъ сезонѣ, втеченіи котораго г-жа Федотова, какъ извѣстно, перенесла довольно серьезную болѣзнь, Марьѣ Николаевнѣ пришлось работать даже болѣе признаваемой первою артисткою не только въ Москвѣ, но и въ Россіи Гликеріи Николаевны Федотовой.

Талантъ, заслуги и добросовѣстный трудъ Марьи Николаевны, давно по достоинству оцѣненные публикой, далеко не достаточно вознаграждаются получаемымъ ею жалованьемъ. Только съ прошлаго года окладъ жалованья, получаемаго Марьею Николаевною, доведенъ до 800 р.; разовые, въ ничтожномъ размѣрѣ, 10 р., назначены тоже только съ прошлаго года. Бенефисъ, который въ Москвѣ дается щедрѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, предоставленъ г-жѣ Ермоловой уже 4 года тому назадъ; бенефисъ Марьи Николаевны всегда служитъ поводомъ къ восторженнымъ оваціямъ со стороны публики, въ особенности же со стороны учащейся молодежи, которая высоко цѣнитъ въ г-жѣ Ермоловой не только умную и даровитую артистку, но и развитую и добросердечную женщину, никогда не отказывающую въ своемъ участіи ни одному спектаклю съ благотворительною цѣлью.

Лишь съ прошлаго года талантъ Марьи Николаевны получилъ должную оцѣнку и внѣ Москвы. Въ прошломъ году г-жа Ермолова играла въ Кіевѣ, въ Павловскѣ, въ Ораніенбаумѣ и въ лѣтнемъ помѣщеніи петербургскаго благороднаго собранія. Нынѣшнее лѣто Марья Николаевна побывала въ Ярославлѣ, въ Воронежѣ, въ Ораніенбаумѣ и Красномъ селѣ; играла также опять въ благородномъ собраніи.

Вездѣ она встрѣтила радушный пріемъ и вполнѣ заслуженно завоевала себѣ симпатіи публики. Прощальные ея спектакли въ Воронежѣ и Ораніенбаумѣ были настоящимъ торжествомъ артистки: ее буквально засыпали цвѣтами; въ Ораніенбаумѣ, сверхъ того, ей былъ поднесенъ отъ мѣстной публики благодарственный адресъ за высокоэстетическое наслажденіе, доставленное публикѣ художественно-правдивою и естественною игрою артистки. Благодаря ее за доставленное ею наслажденіе, ораніенбаумская публика просила ее остаться еще на нѣкоторое время въ Ораніенбаумѣ, но Марья Николаевна была настолько утомлена, что, при всемъ желаніи исполнить просьбу публики, принуждена была уѣхать въ Москву. Насколько русская публика вообще цѣнитъ талантъ г-жи Ермоловой видно уже изъ того, что даровитая артистка получила уже нѣсколько приглашеній отъ различныхъ антрепренеровъ провинціальныхъ театровъ съ просьбой принять участіе въ спектакляхъ въ будущемъ году, лѣтомъ. Просятъ ее также пріѣхать и въ Петербургъ, о чемъ, впрочемъ, мы уже сообщали въ предъидущей статьѣ, посвященной спеціально разбору игры г-жи Ермоловой на сценѣ ораніенбаумскаго театра. Въ этой же статьѣ достаточно сказано о достоинствахъ и недостаткахъ игры талантливой артистки.

Милые бездѣльники.

Очерки **А. Н. Соковнина**.

VI.

Обломки старины.

Это было въ началѣ шестидесятыхъ годовъ...

Я ѣхалъ въ третьемъ классѣ по Николаевской желѣзной дорогѣ въ Москву. Противъ меня помѣстилась старушонка, не то отставная нянька, не то салопница-приживалка, съ морщинистымъ лицомъ цвѣта потемнѣвшаго пергамента, съ слезящимися глазами, вылинявшими отъ времени и моргавшими отъ слабости. Она долго ерзала противъ меня на своемъ мѣстѣ, укладывая разные узелки, коробочки и картоночки, долго вздыхала и охала, покачивая головой и бормоча что-то вполголоса, наконецъ не выдержала и заговорила; любовь къ болтовнѣ, къ вывѣдыванью, къ разсказыванью, къ интимнымъ откровенностямъ сказалась сразу. Въ какія нибудь пять минутъ старушонка узнала и «куда я ѣду», и «изъ какихъ я буду», и «женатъ ли я», и «есть ли у меня дѣти». Не желая говорить много о себѣ, я свелъ разговоръ на нее и спросилъ въ свою очередь, куда она ѣдетъ.

— Въ деревню къ себѣ, батюшка, въ деревню, отвѣтила старуха-говорунья.—Къ брату ѣду. Дѣтей у него крестила. Пусть пригрѣютъ стару-

ху. Имъ что! Живутъ хорошо, ну и послѣ меня имъ же все останется, пусть похолятъ старушонку. Въ накладѣ не будутъ.

— А вашъ братъ кто? спросилъ я.

— Крестьянинъ, батюшка, крестьянинъ временно обязанный, отвѣтила старуха.

— А вы, вѣрно, гдѣ нибудь въ услуженіи жили? спросилъ я.

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ! При господахъ находилась съ мужемъ?.. изъ дворовыхъ мы были съ мужемъ-то, отвѣтила старуха.

— Ну да, значитъ, какую нибудь должность занимали при господахъ, замѣтилъ я.

— Какъ тебѣ сказать, милый ты человѣкъ, я и не знаю! проговорила старуха, качая головой.— Должности въ точности мы никакой не занимали, а такъ при господахъ состояли.. на всѣ руки, значитъ.. для наблюденія больше.. Насъ-то много было, а баринъ всего одинъ, ну вотъ и продавали больше слоновъ да звѣзды на небѣ считали... Для потѣхи больше держали насъ господа-то.. Дитей меня взяли въ домъ то господскій, чтобы барышни учились.. ихъ то учили, ну а меня сажали, чтобы имъ не скучно было. Потомъ пѣть я была мастерица, вотъ меня и заставляли для блезиру пѣть.. Ну, извѣстно, господамъ то же иную пору скучно, вотъ и заставятъ пѣть, потѣшать ихъ.. У насъ въ старые годы и пѣвчіе, и музыканты, и актеры изъ дворовыхъ были.. Мужъ-то мой упокойникъ, царство ему небесное, тоже при молодомъ барчукѣ росъ, что бы барчукъ все таки не одинъ былъ, поиграть съ кѣмъ могъ, потѣшиться... И ужъ чего съ нимъ, съ моимъ упокойникомъ-то, не выдѣлывалъ барчукъ въ дѣтствѣ, такъ я тебѣ и представить то этого, дорогой ты мой, не могу! И верхомъ то на немъ ѣздилъ, и въ телѣжку то его впрягалъ, и разъ всю голову ему выщипалъ...

Я выразилъ недоумѣніе, какъ это барчукъ выщипалъ голову своему товарищу.

— Волосики-то, волосики-то всѣ повыщипалъ, пояснила старуха.—Игру такую затѣялъ въ повара и пѣтуха, онъ то, барчукъ то, видишь ты, за повара сдѣлался, а мужу то моему упокойничку велѣлъ за пѣтуха быть, ну и выщипалъ волосики-то, перья, видишь, это щипалъ. Извѣстно, чего дитё не выдумаетъ, дай ему только волю! Долго такъ мой то упокойничекъ безъ волосъ и ходилъ и болѣнъ былъ, да ничего въ ребячьемъ то возрастѣ волосы десять разъ успѣютъ вырости; это вотъ въ наши то годы оплѣшивѣешь, такъ ужъ и не нагуляешь новыхъ волосъ. Вотъ тебѣ, поди, никто и не дергалъ волосъ то, а какъ повылѣзли, такъ и поминай, какъ звали. Охъ, годы—великое дѣло! Въ дѣтствѣ то да въ молодости все то это перенесешь, все то переживешь, все то починишь, а въ старости—нѣтъ, тутъ ужъ кажинный вонъ черенокъ отъ зуба и тотъ дорогъ, потому выпадетъ онъ,—новаго не будетъ.

Старуха засмѣялась старческимъ смѣхомъ и показала пальцемъ на остатки своихъ зубовъ.

— Такъ вы, значитъ, дворовыми вышли на волю безъ земли? сказалъ я, заинтересованный ея разсказами.

— Мы то? Нѣтъ, насъ допрежь этой воли то въ чины произвели, мужъ то мой титулярнымъ совѣтникомъ былъ, ну и я по немъ чиновницей стала, отвѣтила старуха.—Такъ теперь и состою при этомъ чинѣ, въ благородные произошла. Только конечно прибыли-то съ этого мнѣ мало, потому пенсіи никакой нѣтъ, и сама знаю, что какая же я благородная.. Такъ все потѣхи ради..

— Вѣрно, не дослужилъ вашъ мужъ до пенсіи? спросилъ я.

— Да онъ, милый ты баринъ, и не служилъ никогда, а такъ для потѣхи, говорю я тебѣ, въ чинъ его произвели, вотъ и все, отвѣтила старуха.

Я недоумѣвалъ.

— Какъ для потѣхи? спросилъ я.

— Да такъ для потѣхи, вотъ и все! отвѣтила старуха и по ея лицу скользнула какая то тѣнь грусти.—И родились мы съ нимъ на потѣху, и жили на потѣху и развѣ умирать то только ужь въ заправду, а не въ шутку придется...

Она отерла губы морщинистыми пальцами, придвинулась ко мнѣ поближе и заговорила какимъ то интимнымъ тономъ:

— Коли я тебѣ пораскажу, какъ мы жили, такъ ты диву дашься, потому что теперь на такихъ людей, какъ господа наши да какъ мы, грѣшные, оскудѣніе пришло. Линія другая пошла и порядки новые... Господа то наши по самому своему роду, почитай, что первые во всей Рассеѣ были, а не то, что изъ какихъ нибудь поповичей, либо тамъ изъ купцовъ выщелкнулись. Князья, князья были! Осиновскими князьями прозывались, потому что осиновскій уѣздъ спокonъ вѣку въ ихъ подданствѣ состоялъ; когда еще и Петра то императора не было и въ поминѣ, они уже Осиновскими князьями были; и царь Иванъ Грозный когда былъ, такъ они ужь осиновскими землями правили и допрежь того всегда такъ и прозывались князьями Осиновскими. Да что говорить: молодой баринъ, бывало, смѣется: «Осиновскіе то князья прежде Адама еще жили, такъ ужь не съ ними тягаться какимъ нибудь парвенямъ». Парвенями онъ это, милый ты человѣкъ, всѣхъ звалъ, кто ниже его родомъ-то былъ, изъ презрительности, значитъ. А кто же это не ниже то его былъ? Всѣ, какъ есть всѣ! Такъ вотъ у какихъ господъ мы подданными были.. баринъ то молодой насъ своими подданными звалъ, шутникъ былъ, царство ему небесное! И жилъ и умеръ шутникомъ, а жилъ то тоже семьдесятъ годовъ съ хвостикомъ на свѣтѣ,—не мало! Ну да и то сказать, съ чего ему было и не шутить! Дворцы—чаши полныя, крестьянъ—и не пересчитать, сколько ихъ было, почетъ,—да гдѣ же ему почету не было: и въ Рассеѣ, и въ заграницѣ, вездѣ его почитали, потому и богатъ, и знатенъ, и щедръ былъ, охъ, какъ щедръ, такъ это я тебѣ и представить не могу.

— Что же онъ служилъ? спросилъ я.

— Ну, этого я тебѣ не скажу, милый ты человѣкъ, а по военному сословію числился и въ генералы въ молодые еще годы произошелъ, отвѣтила старуха, отирая губы,—служить же... что-то я мало видѣла, чтобы онъ служилъ. Все это, бывало, ѣздитъ на своихъ орловскихъ, на балахъ танцуетъ, по заграницамъ катается, а служить... да, милый ты человѣкъ, на что ему служить было при его капиталѣ и знатности? Числился только такъ для своей прихоти, для видимости, на службѣ, а утруждать себя службою надобности никакой не имѣлъ. «У меня бывало, говоритъ, и свои подданные и свое войско, орда безпардонная». Это онъ крестьянъ подданными называлъ, а насъ, дворовыхъ, войскомъ да ордой безпардонной. Да насъ и точно орда была и порядки у насъ одно время военные были. По барабану завелъ это нашъ потѣшникъ будить насъ. Забьетъ, бывало, барабанщикъ въ барабанъ, ну, значитъ, поднимайся и на мѣста стройся. Дворецкій обойдетъ, осмотритъ, каждый-ли при своемъ оружіи, оружіемъ-то называли щетки у полотеровъ, у дѣвушекъ сѣнныхъ пяльца, иголки, нитки, у комнатныхъ лакеевъ салфетки, метелки для пыли, ну, вотъ все, что кому нужно имѣть по его должности и сословію, — и если все въ порядкѣ,—начинается служба. Тоже были у насъ въ тѣ поры и пожарныя тревоги: зазвонятъ это вдругъ днемъ или ночью въ колокола и долженъ кажинный человѣкъ въ домѣ браться за ту вещь, которая назначена ему для спасенья въ случаѣ пожара. Если кто не успѣетъ къ своему мѣсту во время прибыть, того сейчасъ и на расправу. «Изъ за тебя, мошенникъ, у меня мой Ватто сгорѣлъ! крикнетъ баринъ, Ваттомъ это онъ картины такія называлъ,—ты за него у меня и заплатишь!» Ну, извѣстно, бѣдному человѣку чѣмъ платить: шкурой своей платитъ. Посѣкутъ его за провинность—вотъ и расплатился. Иную пору пожарныхъ тревогъ баринъ, бывало, долго не дѣлаетъ, а тамъ вдругъ два три дня подъ рядъ весь домъ по ночамъ поднимаетъ. Тоже любилъ онъ мальчишекъ артикуламъ военнымъ обучать, цѣлый полкъ у него потѣшный былъ, мундеры и значки понадѣланы всѣмъ были, крѣпости ихъ водилъ брать. Иногда настоящихъ генараловъ въ имѣніе приглашалъ на маневры. Ну тѣ, извѣстно, смѣются, хвалятъ, поблажаютъ ему. Разъ такъ на маневрахъ этихъ самыхъ войско свое завелъ, что чуть и самихъ настоящихъ генараловъ не потопилъ. Повелъ ихъ въ бродъ, перемочилъ всѣхъ, измаялъ,—ну, а ничего, смолчали. Извѣстно, богатъ былъ! Потомъ только и это ему все надоѣло, бросилъ...

— Однако, шутникъ же онъ у васъ былъ, замѣтилъ я.

— Да, шутникъ, шутникъ! вздохнула старуха.—А иногда на него михлюдія, болѣзнь такая, нападала, омрачится, затоскуетъ, затоскуетъ и сейчасъ запрется отъ всѣхъ, никого не принимаетъ, коли кого увидитъ случайно изъ знакомыхъ — отворотится, будто бы и не знаетъ. И въ это время дѣлай въ домѣ, что хочешь, — ему все равно. Въ эти дни только мой упокойникъ Иванъ Тарасовичъ и смѣлъ къ нему въ кабинетъ входить и даже не только, бывало, говоритъ съ нимъ баринъ, а усадитъ его у себя, распрашиваетъ, какъ крестьяне живутъ, довольна-ли дворня, не проситъ-ли кто о чемъ, не жалуется-ли на что-нибудь. «Скоморохъ ты, Иванъ», скажетъ онъ моему-то упокойнику.—«Скоморохъ, ваше сіятельство!» отвѣтитъ Иванъ-то.—«Дуракъ, нашелъ чѣмъ хвастать! Подло быть скоморохомъ! Человѣкомъ нужно быть, человѣкомъ!» скажетъ князь. И бѣда, если Иванъ тутъ вздумаетъ какую-нибудь штуку выкинуть, чтобы князя потѣшить. Раскричится, растопается князь. «Я тебя одного за человѣка почитаю, а ты что дурака-то ломаешь!» крикнетъ онъ.—«Я съ тобой душу отвести хочу, а ты мнѣ глаза отводишь!» И ужь въ это время Иванъ что хотѣлъ, то и дѣлалъ изъ барина. Одному одно выпроситъ, для другого другое выхлопочетъ, третьему третье устроитъ. Баринъ на все соглашается, а самъ ходитъ по кабинету, вздыхаетъ, подергиваетъ усы да говоритъ: «Скоморошничаемъ, скоморошничаемъ, а люди-то, люди то что выносятъ!» И все то, всякая то мелочь до самаго сердца въ это время доходила, душу его выворачивала...

Старушка задумалась и начала жевать почти беззубымъ ртомъ.

— Много нажилъ вашъ мужъ? спросилъ я.

Старушка вдругъ оживилась, взволновалась.

— Какъ это, батюшка, много-то нажить! проговорила она почти съ укоромъ.—Жалованье-то небольшое было, а у насъ и крестники, и посаженыя дѣти, и сироты разныя были, такъ тутъ не наживешь. Много ртовъ-то кормили, чтобы то же люди спасибо сказали да помянули добромъ послѣ смерти.

— Но вѣдь вы же говорите, что князь вашему мужу ни въ чемъ не отказывалъ, сказалъ я.

— Не отказывалъ, не отказывалъ, да ничего для себя мой упокойникъ-то не просилъ, проговорила старуха. — Не за господина онъ князя считалъ, а за отца, за брата. Не ему было обирать да подачки выпрашивать, когда князь его, холопа, до себя поднялъ да душу ему свою открывалъ. Родные были у князя, друзья знатные были у него, жена была, а второго Ивана у него не было. «Ты, Иванъ, говорилъ онъ, бывало,—слышалъ мое первое слово, ты примешь и мой послѣдній вздохъ. Другіе мнѣ только лгали, а ты мнѣ говорилъ только правду!»

Старушка опять задумалась и помолчала.

— Нѣтъ, не такой человѣкъ былъ мой упокойникъ, чтобы наживаться, проговорила она, спустя минуту, и прибавила: — Да и то сказать, сталъ бы наживаться, такъ его и духу не было бы у князя. Потуда его и любилъ князь, покуда онъ зналъ, что Иванъ не изъ корысти ему, какъ собака, преданъ. Князя тоже провести было трудно, по глазамъ читалъ, что человѣкъ думаетъ. Станутъ ему говорить что-нибудь про человѣка, а онъ смотритъ такъ прямо, прямо въ глаза, а самъ все слушаетъ, слушаетъ да вдругъ и оборветъ: «все то ты, братецъ, врешь и врешь!» Сгоритъ это просто человѣкъ со стыда-то...

Мы доѣхали до большой станціи и я пошелъ обѣдать, прервавъ на время бесѣду со старухой.

— Да, примѣчательный человѣкъ былъ князь, а случился грѣхъ и его обошли, заговорила старуха, когда я снова вернулся въ вагонъ.

Она, очевидно, во время моего отсутствія мысленно продолжала вспоминать прошлое и продолжала теперь разсказъ именно съ той точки, на которой остановилась, — съ способности князя читать по глазамъ чужія мысли.

— Кто же это его обошелъ? спросилъ я.

— И сказать-то срамъ: наша сестра, баба, отвѣтила старуха, качая головой.

— Это интересно, раскажите! попросилъ я свою собесѣдницу.

Она только этого и ждала.

— Ну, я тебѣ, милый ты мой человѣкъ, все по порядку разскажу, заговорила она, подсаживаясь половчѣе и отирая рукою ротъ. — Князь нашъ былъ женатъ. Долго онъ это такъ по холостому куралесилъ, по заграницамъ разнымъ актеркамъ и пѣвуньямъ деньги за свое удовольствіе платилъ, на чужихъ женъ тысячи за ихъ снисхожденье бросалъ. Наконецъ, надоѣла ему эта самая канитель. «Ты, говоритъ, Иванъ женился, пора и мнѣ, чѣмъ я хуже тебя!» Это онъ моему Ивану-то Тарасовичу упокойнику говорилъ, а Иванъ-то Тарасовичъ только-что поженился на мнѣ, — рабеночка ждали мы, ну и поженились, не стану грѣха таить передъ тобой, милый ты человѣкъ, дѣло прошлое, давно мы слюбившись были, а тутъ, какъ затяжелѣла я, Иванъ Тарасовичъ и прикрылъ грѣхъ, чтобы не зазорно было. Кто Богу не грѣшенъ! Ну, такъ вотъ и говоритъ князь, что и онъ, глядя на моего Ивана Тарасовича, жениться вздумалъ. Сказано-сдѣлано. Приглянулась ему одна барышня... Да ужь и мудрено было не приглянуться: лебедь бѣлая, розасантифолія, сахаръ-рафинадъ и знатности очень большой, — изъ первѣющихъ петербургскихъ графинь родомъ. Какъ только князь сдѣлалъ ей предложеніе, такъ тотчасъ же она и согласіе дала и родители ея сопротивленія не оказали. Князь-то, нашъ былъ и постарше ея гораздо и мало она его знала, а пойдти пошла съ радостью: дѣла-то, видишь, денежныя у ея папеньки продырявились, а знатность того доказывать не дозволяла, вотъ и она, и папенька ея и обрадовались предложенью-то князя, знали, что и десятерыхъ такихъ, какъ они, князь на настоящую доску поднять можетъ. Ну-съ, поженился князь, отдѣлалъ дворецъ въ Питерѣ, зажилъ съ молодой женой открыто, балы, театры, собранія — хорошая жизнь, барская, кажется, и умирать не надо. Только одно горе: гусь свиньѣ не товарищъ, какъ говоритъ наша мужицкая-то пословица. Пожениться-то господа поженились, а сойдтись то не могли. Оба они и важныхъ родовъ были, и обучены по французскому были, а характеры-то — ну вотъ, какъ небо и земля, отличались. Нашъ-то князь на людей все больше съ насмѣшкою, съ издѣвательствомъ, съ презрительностью смотритъ, всѣхъ подлецами, да низкопоклонниками, да прохвостами честитъ, точно вотъ на проломъ медвѣдь впередъ ломитъ, а она все на политикѣ, все по петербургскому съ улыбками да съ церемоніями, «очень рада-съ да милости просимъ», а отвернулъ человѣкъ отъ нея голову — «не принимай, говоритъ, его больше», — одно слово, петербургское обращеніе. И не сошлись, и не сошлись! Начала она на князя нападать: «ты, говоритъ, медвѣдь!» «ты, говоритъ, обращенія не знаешь!» «ты, говоритъ, враговъ нажилъ и всѣ на тебя косятся!» «ты вѣчно въ опалѣ!» А князь смѣется: «Князья, говоритъ, Осинскіе ни чьихъ рукъ не лизали и никому сапогъ не чистили, а у нихъ стаивали въ прихожихъ многіе изъ тѣхъ, до кого теперь и рукой не достанешь! У меня, говоритъ, есть одинъ человѣкъ, котораго я уважаю — это мой Иванъ, а остальные прохвосты и только!» Княгиня пожметъ, бывало, плечами: «холопа уважаешь, а людей своего круга третируешь!» Князь только засмѣется: «Холопа? говоритъ. Ну вотъ погоди, я его въ чины произведу». Въ это-то самое время онъ моего Ивана Тарасовича и на волю отпустилъ, и приписалъ къ какому-то департаменту и чинъ ему выхлопоталъ, извѣстно, все для своей потѣхи: «Ну, вотъ, говоритъ, Ванька и не холопъ, а его благородіе!» Княгиня только плечами пожала: «Чудодѣй ты, говоритъ, и больше ничего!» Такъ это кондры у нихъ съ первыхъ дней пошли: князь ея гостямъ грубитъ, она его штуки чудодѣйныя осуждаетъ, ну, а съ виду ничего, — живутъ какъ-будто и ладно. Только разъ князь спросилъ при княгинѣ у моего упокойника: «Ну, а какъ ты со своей Настасьей Ивановной живешь?» Это меня-то Настасьей Ивановной, родной мой, зовутъ. «Ничего, говоритъ Иванъ Тарасовичъ, — живемъ ладно». — «Вмѣстѣ?» спрашиваетъ. — «Да нѣшто порознь можно? смѣется Иванъ Тарасовичъ. — Бабу затѣмъ и берутъ, чтобы подъ рукой была». — «И потрафляетъ, говоритъ, на тебя». — «Какъ не потрафлять, отвѣчаетъ Иванъ Тарасовичъ. — На то и замужъ шла, чтобы потрафлять!» — «Такъ, такъ, кивнулъ головой князь. — Я вотъ тоже думалъ!» Больше ничего и не сказалъ. Къ чему бы онъ это спрашивалъ? думали мы съ Иваномъ Тарасовичемъ. Ужь не къ тому-ли, что недоволенъ онъ, что княгиня съ нимъ на разныхъ половинахъ живетъ? Такъ вѣдь и то сказать, у господъ и всегда такъ. Начали мы присматривать да примѣчать, — странное что-то у насъ въ домѣ творится: князь омрачился, заскучалъ, замкнулся, михлюдія на него напала; княгиня все по баламъ да по театрамъ ѣздитъ, а о князѣ и не спроситъ, поминаетъ его только для того съ гостями своими, чтобы осмѣять да въ шуты вырядить. Слугъ-то у насъ было много, орда — одно слово, такъ это одинъ одно подслушаетъ, другой другое и все это промежь себя передаютъ. Начали мы съ Иваномъ Тарасовичемъ узнавать, что нѣтъ князю у жены лучшаго имени, какъ «чудодѣй», да «шутъ гороховый», да «поврежденный», да «медвѣдь». Ужь какъ-какъ она его не вышучивала со своими гостями-то, а гостей-то у нея всегда полны комнаты: извѣстное дѣло, ни она ничего не дѣлала, ни они никакихъ занятіевъ, кромѣ своего удовольствія, не знали, ну и рыскали, она къ нимъ, они къ ней, только и слышишь, что колеса у подъѣзда гремятъ, безпечальное житье! А чаще всѣхъ сталъ къ намъ наѣзжать какой-то молоденькій гусарчикъ. Кузеномъ она его звала, то есть сродственникомъ, а ужь съ какой стороны онъ ей сродственникомъ приходился, — этого я доподлинно сказать не умѣю, только видѣли мы, что ужь онъ очень зачастилъ ѣздить къ княгинѣ. Пошли разные толки и по городу, и по людскимъ, дальше да больше, дальше да больше. А князь ровно ничего и не знаетъ. Вотъ только разъ были у насъ гости и вышелъ баринъ въ парадныя комнаты и такой веселый да разговорчивый. Говорили, говорили, какъ вдругъ баринъ спросилъ у своего тестя, у отца-то нашей княгини: «Просто не знаю, что дѣлать съ любовными шашнями, какъ отучить распутниковъ отъ этого баловства?» Тесть ему на это: «Остричь двумъ, тремъ косы, да вспороть двухъ-трехъ юбочниковъ на конюшнѣ, такъ уймутся». — «Вы думаете, что это лучше всего отучить отъ разврата?» спросилъ князь. — «Да, больше нечего дѣлать, отвѣтилъ князю его тесть. — «Ну, спасибо вамъ за добрый совѣтъ!» отвѣтилъ князь. Такъ разговоръ этимъ и кончился, а ночью... Ну, батюшка, еще сто лѣтъ проживу, а этой ночи я не забуду, со вздохомъ проговорила старуха. — Разбудилъ это меня и Ивана Тарасовича самъ баринъ ночью и велѣлъ намъ идти за собой. Встали мы, пошли, думаемъ: «Господи, что такое стряслось!» Привелъ онъ насъ въ комнату къ барынѣ, а тамъ лежитъ на диванѣ связанный кузенъ барыни, а барыня къ стулу привязана. Подозвалъ меня баринъ и говоритъ: «Вы, Настасья Ивановна, умѣете стричь волосы?» — «Умѣю», говорю, а сама стою ни жива, ни мертва, поджилки дрожатъ, такъ вотъ и шатаюсь, какъ пьяная. «Такъ вотъ, говоритъ, остригите косу княгинѣ. Тяжело ей, какъ честной женщинѣ, съ косою ходить». Я такъ и повалилась, какъ снопъ, въ ноги князю. «Помилуйте, молю, ваше сіятельство». — «Стригите», крикнулъ онъ, топнувъ ногою. Схватила я его за ноги, целую ихъ, плачу, а онъ свое: «Стригите!» Потомъ обернулся къ княгинѣ и проговорилъ ей: «Или, можетъ быть, хотите, чтобы я васъ для этой холопки пощадилъ?» Княгиня только зубы стиснула... Нечего дѣлать, остригла я ее голубушку... Остригла, а сердце-то мое, ровно голубь, въ груди трепеталось... Потомъ велѣлъ князь мнѣ выйдти и обернулся къ Ивану Тарасовичу: «Раздѣвай его!» указалъ онъ на княгининскаго кузена и тотчасъ же обратился къ этому самому кузену: «Отецъ вашей любовницы совѣтовалъ мнѣ пороть юбочниковъ на конюшнѣ, но я сдѣлаю для васъ снисхожденіе и выпорю васъ здѣсь въ ея будуарѣ». Иванъ Тарасовичъ не прекословилъ, раздѣлъ связаннаго господчика, разложилъ его на софѣ, притянулъ къ ней веревками и началъ секуцію. Княгинѣ дурно сдѣлалось и чувствъ лишилась она. «Брось его!» крикнулъ тогда князь и обернулся къ лежавшему на софѣ кузену: «Теперь вы можете любить другъ друга сколько вамъ угодно. Васъ сейчасъ препроводятъ въ домъ отца вашей любовницы». Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты, приказавъ проводить мнѣ и Ивану Тарасовичу барыню и барина до поданной къ крыльцу кареты.

Старуха замолчала. Я вышелъ освѣжиться на станцію.

— Съ той поры и зажилъ князь опять одинъ, безъ семьи, продолжала старуха разсказъ, когда поѣздъ тронулся. — Бросалъ онъ большія деньги на женщинъ, а приближать въ свой домъ ни одной не приближалъ. О женѣ онъ и не вспоминалъ; разъ только, когда дошли до него слухи, что она скутилась и умерла въ нищетѣ въ больницѣ заграницей, онъ сказалъ моему Ивану Тарасовичу: «Это съ бездѣлья, Иванъ!..» Съ бездѣлья! ровно онъ помѣшался на этомъ словѣ. Бывало, что не сдѣлается дурного, — онъ сейчасъ говоритъ: «это съ бездѣлья люди бѣсятся!» Ужь и точно-ли это такъ или нѣтъ, доподлинно не знаю, а только самъ-то онъ дурилъ такъ, что и не приведи Господи. Чѣмъ старше дѣлался, тѣмъ больше чудесилъ... Подъ старость волосъ у него мало стало, такъ онъ завелъ семь париковъ и каждый парикъ носилъ названіе какого-нибудь дня и бѣда, бывало, если въ четвергъ ему пятницу подадутъ, — сейчасъ расправа. Тоже пристрастился онъ къ часамъ и сталъ накупать разныхъ часовъ: цѣлые ящики, цѣлыя комнаты были у него часами завалены, въ газетахъ публикаціи дѣлалъ, что покупаетъ древніе часы, часовымъ мастерамъ

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Г-жи П. КУРІАРЪ.

Нормандскій берегъ.

По фотографіи г. Л птева. Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ».



ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА МЕРСОНА.

Людовикъ св. освобождаетъ заключенныхъ. По фотографіи г. Лаптева. Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ».

бѣднымъ всегда помощь готовъ былъ оказать, уроки часовому мастерству бралъ... А разъ пришелъ къ нему Иванъ Тарасовичъ въ кабинетъ и видитъ цѣлую груду часовъ на полу, растоптанныхъ, сломанныхъ, разбитыхъ. «Что это, ваше сіятельство?» спрашиваетъ.—«Что? что? крикнулъ князь.—Мое сумасшествіе! Мое бездѣлье! И собиралъ отъ бездѣлья, и растопталъ отъ бездѣлья! Уноси, уноси ихъ съ глазъ моихъ долой, чтобы они мнѣ не напоминали, что я сумасшедшій!» Увидалъ мой Иванъ Тарасовичъ, что онъ самъ не въ себѣ, въ изступленіи, и говоритъ ему, да таково-то спокойно и сердечно: «Какой же вы, князь, сумасшедшій? Развѣ вы этимъ зло кому дѣлаете, что часами занимаетесь! Хорошо, кабы всѣ-то такіе сумасшедшіе были да только этимъ и выказывали свое сумасшествіе!» Князь задумался. «Ты, Иванъ, мужикъ неотесанный, простота горемычная, проговорилъ князь, а умнѣе меня! Ну, собирай битье, будемъ опять часы дѣлать!» Такъ опять и утихъ и сталъ часовымъ мастерствомъ заниматься...

— Давно онъ умеръ? спросилъ я.

— Съ нынѣшняго весенняго Николы третій годокъ пошелъ, отвѣтила старуха.—Умеръ тихо, ровно заснулъ, а за нимъ и мой Иванъ Тарасовичъ преставился. Шести недѣль не выжилъ послѣ барина, на царя Константина и матери Елены скончался. Затосковалъ, затосковалъ и скончался, голубчикъ мой. Видно, князю-то онъ, родной мой, и тамъ нуженъ былъ. И то сказать, вѣдь ровно за дитёй, за княземъ, онъ въ послѣднее время ходилъ...

Старушка вздохнула и отерла слезы, навернувшіяся ей на глаза...

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Иза.

Романъ А. Бувье.

(*Продолженіе.*)

Глава VII.

Шифоньерка Изы.

Едва пробило шесть часовъ утра, Шади, въ сопровожденіи Пальяра и Амели, сильно позвонилъ у двери квартиры агента Гюре. Хозяинъ, съ часъ уже поднявшійся съ постели, тотчасъ же отворилъ.

— А, это вы, сказалъ онъ, пожимая руки своимъ гостямъ,—развѣ случилось что-нибудь новое?

— Да, поспѣшно отвѣчалъ Шади,—новое и интересное.

— Садитесь, пригласилъ Гюре, подвигая стулъ Амели,—и поговоримъ.

— Г. Гюре, сказалъ Пальяръ,—насъ привело къ вамъ очень важное дѣло. Г-жѣ Сесиль лучше; вчера она долго говорила съ м-ль Феранъ, которую просила повидаться съ защитникомъ ея брата. М-ль Амели тщетно искала его вчера; она его не видѣла и мы пришли къ вамъ спозаранку, чтобы попросить у васъ совѣта.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ Гюре живо.

— Вамъ разскажетъ м-ль Амели, а мы поспѣшимъ, чтобы застать защитника обвиняемаго до засѣданія.

— Это вамъ не удастся; защитникъ Ферана три раза въ недѣлю ѣздитъ въ Сен-Жерменъ; онъ возвратится сегодня прямо къ засѣданію... Не волнуйтесь; обсудимъ хладнокровно новость, которую передастъ намъ м-ль Феранъ.

Амели передала все, что узнала отъ Сесиль. Агентъ не выразилъ удивленія, но видимо обрадовался.

— О, я зналъ, что это такъ! вскричалъ онъ.—Молодой человѣкъ не виновенъ!.. Все это совершилъ тотъ, другой... Необходимо снова арестовать его.

— Спасите прежде моего брата, умоляла Амели.

— Мы его спасемъ, захвативъ другого.

— Но что намъ дѣлать теперь? спросила молодая дѣвушка.

— Разумѣется всего естественнѣе вамъ позаботиться о Морисѣ Феранѣ, въ то время, какъ я займусь другимъ, отвѣчалъ агентъ.—Но что вы можете сдѣлать? Адвоката вы можете увидѣть только въ засѣданіи... развѣ написать письмо къ предсѣдателю суда?

— И я думалъ объ этомъ, сказалъ Пальяръ,—и хотѣлъ просить васъ научить насъ, что должно писать... Но м-ль Амели дѣлала уже попытку повидаться съ предсѣдателемъ, и встрѣтила неудачу.

— Это понятно, пояснилъ Гюре.—Когда на очереди разбирательство уголовнаго дѣла, семья подсудимаго всегда пытается своими мольбами за него разжалобить предсѣдателя суда. Конечно, предсѣдатель обязанъ избѣгать свиданій съ семьей обвиняемаго. Если бы онъ поступалъ иначе, могъ бы произойти большой вредъ для правосудія.

— Слѣдовательно, руководясь этими мотивами, которые я вполнѣ уважаю, вы находите неудобнымъ послать письмо къ предсѣдателю.

— Отчего же? Надо только адресовать письмо въ судъ, на имя предсѣдателя. Въ силу предоставленной ему власти, онъ рѣшитъ, слѣдуетъ-ли прочесть это письмо публично или оставить его безъ вниманія:

— Онъ можетъ и не читать нашего письма... Плохо.

— Едва-ли. Цѣль суда добиться правды, а ваше письмо прямо способствуетъ этому. Къ тому же предсѣдатель человѣкъ безпристрастный, съ независимыми убѣжденіями, за что его недолюбливаютъ лица, нами управляющіе. Если бы слѣдователь былъ человѣкомъ такого сорта, наше дѣло несомнѣнно выиграло бы.

— Въ этомъ дѣлѣ всѣ поступаютъ какъ-то странно, вопреки здравому смыслу. Боюсь я, что и наше письмо подвергнется неожиданной случайности. По моему лучше его не писать.

— Во всякомъ другомъ дѣлѣ я бы стоялъ за отправку письма; но въ этомъ приходится встрѣчаться съ такой массой неожиданностей, что по необходимости придется согласиться съ вами... Можно прибѣгнуть къ другому средству, которое сильно подѣйствуетъ на публику, на присяжныхъ... Но это будетъ театрально...

— Что же это такое? спросили въ одинъ голосъ Пальяръ и Амели.

И Шади, услыхавъ слово «театрально», поднялъ голову и насторожилъ ухо; ему пришло на мысль, что если необходимо произвести шумъ, то вѣроятно обратятся къ его содѣйствію.

— Да, такъ будетъ лучше, сказалъ Гюре,—мы въ корнѣ подточимъ обвиненіе и судъ вынужденъ будетъ назначить новое слѣдствіе, а это мнѣ только и нужно. Дѣйствовать иначе будетъ неблагоразумно. Въ этомъ дѣлѣ безпрестанно встрѣчаются недомолвки, пропащіе документы. Очень можетъ быть, что судъ, получивъ вашу просьбу о спросѣ новаго свидѣтеля, найдетъ ее не заслуживающей удовлетворенія.

— Это было бы слишкомъ несправедливо! вскричалъ Шади.

— Почему? Кто такой новый свидѣтель? Больная женщина... Прошу не оскорбляться моими послѣдующими словами; я знаю честность г-жи Сесиль, но судьи ничего не знаютъ, они судятъ только по фактамъ. И такъ свидѣтель, показанія котораго должны опровергнуть всѣ факты, добытые тщательно произведеннымъ разслѣдованіемъ,—молодая дѣвушка, желавшая покинуть свою семью, чтобы жить съ работникомъ ея отца, экзальтированное существо, которое, видя, что не можетъ осуществить своего желанія, рѣшается на самоубійство; наконецъ, женщина, которая вскорѣ по выходѣ замужъ, оставляетъ своего мужа... Большой-ли вѣсъ въ глазахъ судей могутъ имѣть ея показанія?.. Не забывайте, что, по случаю болѣзни, впрочемъ, законно засвидѣтельствованной врачемъ, она не могла дать своего показанія при слѣдствіи, а теперь, находясь еще въ сущности въ болѣзненномъ состояніи, она покажетъ, что ночь, когда совершено преступленіе, она провела съ своимъ любовникомъ, что будучи замужемъ, она не была женою своего мужа, что родившійся у нея мертвый ребенокъ былъ не отъ мужа, а отъ ея любовника, котораго она хочетъ оправдать своимъ показаніемъ. Увидя цинизмъ въ этомъ показаніи, судьи сочтутъ, что имѣютъ дѣло съ помѣшанной и не придадутъ никакого значенія ея словамъ.

— Но вѣдь это невозможно; это будетъ крайне несправедливо.

— Я дѣлаю только предположеніе, весьма вѣроятное, однакожь.

— Что же тогда дѣлать? живо спросила Амели.

— А вотъ что. Засѣданіе откроется въ десять часовъ, къ одиннадцати приведите въ судъ г-жу Сесиль, я дамъ вамъ карточку и васъ пропустятъ; вы спросите судебнаго пристава, моего знакомаго, которому покажите мою карточку и онъ предупредитъ защитника Мориса о пріѣздѣ въ судъ г-жи Сесиль... Увѣрены-ли вы, что она въ состояніи будетъ пріѣхать?

— О, если это будетъ нужно, я внесу ее на рукахъ, сказалъ Шади.

Гюре подробно разъяснилъ имъ, что надо дѣлать.

— А въ это время и я не буду сидѣть сложа руки, закончилъ онъ.

Гости Гюре отправились къ Сесили и мы знаемъ, что уже произошло въ судѣ. Проводивъ ихъ, агентъ нѣсколько времени ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, кусая усы и размышляя, наконецъ онъ сказалъ вслухъ:

— Необходимо во чтобы то ни стало сегодня же захватить ее... Потомъ примусь за поиски другого.

Принявъ такое рѣшеніе, онъ отправился на квартиру къ слѣдователю Оскару де-Вершемону. Того не было дома и слуга, знавшій Гюре, сообщилъ ему, смѣясь, что молодой слѣдователь уже нѣсколько времени не ночуетъ дома.

Раздосадованный этой первой неудачей, Гюре безцѣльно пробродилъ нѣкоторое время по улицамъ и въ одиннадцать часовъ былъ въ судѣ. Вскорѣ пришелъ туда Вершемонъ. Агентъ попросилъ у него аудіенціи, но при первыхъ словахъ Гюре, Вершемонъ прервалъ его съ досадой:

— Право, вы одержимы мономаніей, сказалъ онъ;—это дѣло тронуло вашъ мозгъ... Я уже говорилъ вамъ, что слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ въ улицѣ Лакюэ уже окончено; сегодня кончится судебное разбирательство и негодяй получитъ заслуженное имъ наказаніе.

— Но онъ невиноватъ, я имѣю положительныя доказательства.

— Я не понимаю вашей настойчивости; можно подумать, что вами руководитъ чувство мести къ кому-нибудь.

— Скажу вамъ искренно, что такая же идея приходитъ и мнѣ въ голову... я думаю, что въ этомъ дѣлѣ, желая кого-то выгородить, жертвуютъ несчастнымъ, котораго въ настоящее время судятъ.

— Что вы хотите сказать этимъ?

— Прежде всего, что вы обязаны меня выслушать.

— Я отказываю вамъ въ этомъ и напоминаю вамъ мое приказаніе, чтобы вы занялись другими дѣлами, отвѣчалъ Вершемонъ.

Гюре поклонился ему, отворилъ дверь и, уходя, сказалъ:

— Я знаю, что мнѣ дѣлать, я потеряю мѣсто, но исполню мою обязанность.

И онъ вышелъ, оставивъ Вершемона въ недоумѣніи. Оскаръ не могъ объяснить себѣ этой настойчивости. Онъ былъ твердо убѣжденъ въ виновности Ферана. Иза въ свою очередь старалась убѣдить его, что онъ правъ и онъ, наконецъ, рѣшилъ, что Гюре дѣйствуетъ подъ вліяніемъ зависти къ своему товарищу, Бойе.

Оскаръ совершенно успокоился съ той минуты, когда далъ свободу Георгію Голеско. Онъ наслаждался любовью женщины, которую обожалъ и никакое другое дѣло его уже не занимало. Онъ страшился, что ему навяжутъ новое слѣдствіе.

Слова Гюре очень не понравились ему. Онъ усмотрѣлъ въ нихъ намѣреніе агента оскорбить его, однакожь, поглощенный своимъ личнымъ дѣломъ, онъ скоро забылъ о нихъ. Онъ не пошелъ въ залу засѣданія и сидѣлъ въ своей камерѣ задумавшись, пока его размышленія не были прерваны приходомъ одного изъ его товарищей.

— Вы не были на засѣданіи и, вѣроятно, не знаете, что тамъ случилось.

— Что такое? спросилъ Вершемонъ.

Товарищъ разсказалъ ему о показаніи Сесили и о послѣдствіяхъ этого показанія. Можно судить о дѣйствіи, произведенномъ на молодого слѣдователя этимъ извѣстіемъ. Значитъ агентъ Гюре былъ правъ. Что подумаютъ о немъ, Вершемонѣ, его начальники, когда узнаютъ, что онъ упрямо отказывался выслушать доклады Гюре. Встревоженный, недовольный, Вершемонъ вышелъ изъ суда.

Между тѣмъ Гюре не терялъ времени. Онъ ходилъ изъ одного отдѣленія въ другое, клялся, доказывалъ и долженъ былъ убѣдиться, какъ трудно заставить другихъ повѣрить истинѣ. Наконецъ онъ дошелъ до императорскаго прокурора. Прокуроръ, по всей вѣроятности, тоже остался бы глухъ къ его настояніямъ, но происшедшее въ судѣ, заставило его серьезно посмотрѣть на дѣло и онъ внимательно выслушалъ агента.

Гюре сообщилъ ему всѣ свѣденія, собранныя имъ объ Изѣ. По его словамъ оказывалось, что убійство совершилъ Андре Гударъ, но главной пружиной всего дѣла была Иза.

— На аукціонѣ я купилъ корзину съ шампанскимъ, заключилъ свой разсказъ Гюре;—въ ней недоставало двухъ бутылокъ, что засвидѣтельствовано аукціонистомъ... Именно тѣхъ бутылокъ, которые были найдены въ квартирѣ убитой. Шампанское фирмы Grand-Royal de Launay съ золотой маркой.

— Но обвиняемый Морисъ Феранъ признался, что онъ купилъ двѣ бутылки тоже этой фирмы.

— Тутъ обнаруживается ошибка агента, производившаго дознаніе, и судебнаго слѣдователя. Феранъ дѣйствительно купилъ вино той же фирмы, но другой марки... Я прошу васъ дать мнѣ полномочіе и чрезъ два дня дѣйствительные виновные будутъ въ вашихъ рукахъ.

— Хорошо. Вы отправитесь немедленно къ полицейскому коммиссару квартала Елисейскихъ полей и вручите ему приказъ объ арестѣ г-жи Сегленъ; затѣмъ отправляйтесь къ ней и осторожно, безъ шума, арестуйте ее. Я вамъ дамъ также приказъ объ арестѣ Гудара.

— Долженъ-ли я докладывать о дѣлѣ тому же слѣдователю?

— Г. де-Вершемонъ не можетъ болѣе заниматься слѣдственными дѣлами... Завтра вы узнаете, кому будетъ поручено произвести новое слѣдствіе.

Получивъ два приказа объ арестѣ, Гюре удалился вполнѣ удовлетворенный.

— Наконецъ-то! вскричалъ онъ.—Я впередъ зналъ, что во Франціи можно еще добиться справедливости.

Мы уже знаемъ, какъ Гюре исполнилъ первую часть своего порученія. Въ тотъ самый часъ когда онъ отвозилъ красавицу Изу въ Консьержери, Оскаръ де-Вершемонъ, въ глубокой задумчивости медленно шелъ по Елисейскимъ полямъ, направляясь къ дому, гдѣ онъ наслаждался съ любимой женщиной. Онъ шелъ туда искать утѣшенія; въ настоящее время онъ сильно страдалъ, ясно понимая, что онъ не исполнилъ своего долга; все, что прежде, подъ вліяніемъ Изы, казалось ему естественнымъ и правильнымъ, теперь приняло совершенно иную окраску. Производя слѣдствіе, онъ былъ пристрастенъ, онъ поддалъ вліянію женской чувствительности и руководился ею въ своихъ дѣйствіяхъ. Онъ былъ слабъ; повинуясь капризамъ любимой женщины, онъ забылъ объ исполненіи своего долга.

Показаніе Сесили разомъ разрушало зданіе обвиненія, тщательно имъ построенное; мало того, въ глазахъ начальства онъ становился сообщникомъ или неспособнымъ. Это было первое важное дѣло, ему порученное благодаря только настоянію Матье дю-Тальи. Оно могло быть для него блестящимъ дебютомъ, могло составить ему карьеру. Теперь же оно приводитъ его къ паденію; самое малое, что можетъ послѣдовать для него: оставленіе его въ тѣни; но точно также можетъ случиться, что его отрѣшатъ отъ должности. Не лучше-ли, думалъ онъ, самому предупредить, подавъ въ отставку.

Честолюбивыя мечты, занимавшія его прежде, въ послѣднее время совершенно разсѣялись подъ вліяніемъ любви его къ Изѣ. Чтожъ! выйдя въ отставку, онъ будетъ несравненно счастливѣе, ничто уже не будетъ отвлекать его отъ любимой женщины. Да, сейчасъ, придя къ ней, онъ скажетъ, что намѣренъ отказаться отъ службы для того, чтобы жить только для нея, Изы, и вмѣстѣ съ нею. «Мы оставимъ Парижъ, думалъ онъ,—мы поѣдемъ путешествовать, въ Италіи мы обвѣнчаемся и вернемся домой въ замокъ моихъ предковъ и заживемъ тамъ счастливо, беззавѣтно любя другъ друга».

Чѣмъ ближе онъ подвигался къ своему любовному гнѣздышку, тѣмъ заманчивѣе казалась ему перспектива будущей его жизни съ женою, для которой онъ безъ сожалѣнія пожертвуетъ своимъ честолюбіемъ.

Онъ имѣлъ свой ключъ отъ подъѣзда и вошелъ тихо, никѣмъ незамѣченный; придя въ гостинную и не заставъ тамъ Изы, онъ подумалъ, что опоздалъ, вынулъ часы и мысленно побранилъ себя за неакуратность; онъ рѣшилъ, что Иза, утомившись ожидать его, ушла въ столовую; онъ направился туда и, не найдя тамъ своей возлюбленной, обезпокоился и позвонилъ. Вошла служанка.

— Гдѣ же графиня?

— Недавно ее арестовали, отвѣчала служанка.

— Что вы говорите! вскричалъ онъ. Ему представилось, что служанка помѣшалась.

— Графиня уѣзжала въ судъ, сказала служанка. — Мы ожидали ее, вдругъ входитъ коммисаръ съ тремя полицейскими агентами и спрашиваетъ, дома-ли г-жа Иза Сегленъ-Зинтская. Я отвѣчала, что графиня, уѣхавшая съ утра въ судъ, вѣроятно, скоро вернется. Одинъ изъ агентовъ приказалъ мнѣ тогда оставаться на мѣстѣ; онъ не желалъ, чтобы я разсказала въ домѣ о приходѣ полицейскихъ. Когда подъѣхала карета, коммисаръ, не давъ времени графинѣ выйти, предъявилъ ей приказъ объ ея арестѣ. Я не могла видѣть графини; она откинулась въ глубину кареты; полицейскіе сѣли вмѣстѣ съ нею, сказавъ мнѣ, чтобы, въ интересахъ самой графини, я молчала и что они скоро вернутся. Испугавшись, я забилась въ свою комнату, гдѣ и сидѣла до тѣхъ поръ, пока вы не позвали меня. Услышавъ звонокъ, я думала, что это вернулись полицейскіе.

Разсказъ служанки потрясающимъ образомъ подѣйствовалъ на Оскара; онъ поблѣднѣлъ, губы его сжались конвульсивно. Тщетно онъ спрашивалъ себя, что означалъ этотъ арестъ, онъ не могъ ничего придумать для объясненія его. Не рѣшаясь болѣе разспрашивать горничную, онъ быстро вскочилъ, сорвалъ съ себя галстухъ и разстегнулъ воротъ рубашки, душившій его. Мы знаемъ, что въ это время была зима; въ каминѣ горѣлъ огонь; сторы и занавѣси были спущены. Оскару стало нестерпимо жарко; онъ поднялъ стору и отворилъ окно. Холодный воздухъ, ворвавшійся въ комнату, не освѣжилъ его; онъ шатался точно пьяный, и долженъ былъ опереться о подоконникъ. Онъ желалъ успокоиться, привести въ порядокъ свои мысли и разъяснить себѣ положеніе дѣла. По чьему приказанію могла быть арестована Иза? Въ какомъ преступленіи ее обвиняютъ? Не онъ-ли причиною этого несчастія? Но что же онъ совершилъ преступнаго? Онъ ошибся. Не намѣренъ-ли прокурорскій надзоръ подвергнуть его отвѣтственности за его ошибку? Не обвиняютъ-ли его въ сообщничествѣ? Не думаютъ-ли, что онъ дѣйствовалъ пристрастно, освобождая Георгія Голеско, называвшагося Андре Гударомъ? Онъ началъ припоминать всѣ свои дѣйствія и рѣшилъ, что въ этомъ случаѣ поступилъ вполнѣ разумно и справедливо... Но ясно, что Иза страдаетъ изъ-за него. Иза чиста, Иза честная женщина; онъ ее компрометировалъ. Но какъ?

Самыя безумныя предположенія лѣзли ему въ голову; если бы не было уже поздно, онъ тотчасъ отправился бы къ императорскому прокурору и просилъ бы его о разъясненіи его недоумѣній. Но прежде всего надо дѣйствовать. Какъ можно допустить, чтобы Иза провела ночь въ префектурѣ. По его винѣ, въ чемъ онъ былъ убѣжденъ, это очаровательное созданіе, привыкшее къ роскоши свѣтской жизни, ввержено теперь въ душную, смрадную тюрьму! Душевное состояніе несчастнаго слѣдователя было ужасно. Онъ былъ буквально подавленъ, онъ чувствовалъ, что въ настоящую минуту былъ безсиленъ оказать ей какую-нибудь помощь. И онъ виновникъ ея страданій!

Агенты, по всей вѣроятности, должны возвратиться затѣмъ, чтобы арестовать его. Этотъ вопросъ, впрочемъ, не занималъ его. Что ему его свобода? Онъ думалъ только о томъ, какъ бы освободить Изу изъ той пропасти, въ которую онъ самъ ее ввергнулъ. Что дѣлать? Ожидать возвращенія агентовъ, — это было разумнѣе всего, такъ какъ отъ нихъ можно было получить нѣкоторыя разъясненія; у нихъ, вѣроятно, есть приказъ объ арестѣ, съ изложеніемъ мотивовъ, побудившихъ прибѣгнуть къ этой крайней мѣрѣ.

Мало-по-малу, онъ сталъ спокойнѣе. «Да, надо ждать агентовъ», рѣшилъ онъ. Не желая, чтобы они замѣтили его слабость, онъ сталъ приводить въ порядокъ свою прическу и одежду, для чего подошелъ къ зеркалу. Онъ пришелъ въ ужасъ, увидя, до какой степени онъ измѣнился втеченіи нѣсколькихъ минутъ. Глаза его блестѣли лихорадочно; лицо было блѣдно, совсѣмъ высохшія губы подергивались конвульсивно. Едва онъ успѣлъ оправиться, на дворѣ раздались шаги, заставившіе его невольно вздрогнуть.

— Вотъ и они, сказала вошедшая горничная. —Съ ними нѣтъ полицейскаго коммисара, но агенты тѣже самые.

Вершемонъ самъ отворилъ двери и впустилъ Гюре. Увидя его, слѣдователь вскричалъ бѣшено:

— Вы! Вы здѣсь!..

Бѣшенство Вершемона совершенно понятно. Невозможно быть спокойнымъ, вынеся столько страданій, сколько выпало ихъ въ этотъ день на долю несчастнаго слѣдователя. Показаніе Сесили на судѣ, поставившее его въ смѣшное, если еще не худшее, положеніе; затѣмъ арестъ Изы; а тутъ

еще встрѣча съ Гюре, который утромъ говорилъ съ нимъ, своимъ начальникомъ, непочтительно;—все это вмѣстѣ должно было окончательно вывести его изъ себя. Прежде всего, Вершемону представилось, что все это штуки Гюре, который, изъ мести, наклепалъ что-нибудь на ни въ чемъ неповинную Изу. Его еще болѣе взбѣсило, что агентъ стоялъ передъ нимъ гордо, бросая на него презрительный взглядъ. Кровь бросилась въ голову Вершемона и онъ продолжалъ, все болѣе и болѣе возвышая голосъ:

— А! это вы, милостивый государь! Сегодня утромъ я не захотѣлъ выслушивать вашихъ глупостей и вы вздумали отомстить! Вы позволили себѣ шпіонить за мной, вашимъ начальникомъ. Вы грязный шпіонъ, вторгающійся въ частную жизнь своего начальника, чтобы найти поводъ скомпрометировать его! Чтобы оскорбить меня, вы распустили какую-нибудь низость на счетъ женщины, которую я имѣю честь любить... Негодяй! Почему сегодня утромъ вы не потребовали отъ меня денегъ за ваше молчаніе, за избавленіе насъ отъ вашей клеветы? По чьему приказу вы осмѣлились явиться сюда, въ квартиру графини Зинтской? Я, вашъ начальникъ, не давалъ вамъ никакихъ распоряженій. Отвѣчайте же, г. шпіонъ.

Гюре по прежнему презрительно смотрѣлъ прямо въ глаза Вершемона; сперва краска покрыла его лицо, потомъ онъ сильно поблѣднѣлъ и крупныя капли холоднаго пота выступили на его лбу, но онъ удержался. Онъ стоялъ прямо, какъ старый солдатъ подъ огнемъ, пытаясь скрыть то, что онъ чувствовалъ; онъ задыхался, пальцы на его рукѣ конвульсивно сжимались. Агенты съ удивленіемъ смотрѣли на него, они не могли понять, какъ онъ можетъ терпѣливо сносить оскорбленія. Гюре хотѣлъ говорить, но не могъ.

— Низкій шпіонъ, продолжалъ Вершемонъ,—ты теперь дрожишь; ты понимаешь, что я разорву паутину, которою ты, негодяй, опуталъ женщину. Тебѣ нечего отвѣчать и ты молчишь.

Гюре невольно рипулся впередъ, но остановился и закричалъ страшнымъ голосомъ:

— Г. Вершемонъ, мой отвѣтъ: я исполняю свою обязанность.

— Относясь ко мнѣ, вы обязаны говорить: «г. слѣдователь».

— Вы болѣе не слѣдователь; вы отрѣшены сегодня какъ недостойный, а завтра, можетъ быть, васъ признаютъ сообщникомъ преступленія.

Вершемонъ, покраснѣвшій отъ стыда, опустилъ голову.

— Считая себя моимъ начальникомъ, продолжалъ Гюре,—вы позволили себѣ оскорбить меня; я возвращаю вамъ ваше оскорбленіе; изъ насъ двухъ приличнѣе васъ назвать негодяемъ.

— Гюре... Вы забываете...

— Чортъ возьми! я ничего не забываю. Вы болѣе мнѣ не начальникъ... здѣсь вы частный человѣкъ, любовникъ дѣвки Изы.

— Молчите, несчастный! вскричалъ Оскаръ, кидаясь на него.

— Если вы сдѣлаете еще шагъ, мои подчиненные получатъ приказаніе сдержать ваши порывы.



Послѣдовало молчаніе; агенты, по знаку Гюре, встали въ такую позу, которая ясно говорила, что они намѣрены размять свои мускулы. Молчаніе продолжалось не болѣе минуты.

— Г. Вершемонъ, сказалъ Гюре, — тотъ, кого вы оскорбили, сынъ человѣка, пролившаго кровь за свое отечество; умирая, онъ не оставилъ сыну состоянія, но оставилъ ему чистое имя и примѣръ неукоснительнаго исполненія своего долга... Г. Вершемонъ, я такъ же былъ солдатомъ, какъ и мой отецъ, и когда я оставилъ службу, я долженъ былъ отыскать себѣ средства для жизни; не зная никакого ремесла, я сдѣлался полицейскимъ агентомъ; моя обязанность отыскивать разбойниковъ, убійцъ, воровъ. Вы лжете, говоря, что я ткалъ паутину, которою опуталъ женщину. Мнѣ предлагали поступить въ отдѣленіе полиціи, надзирающее за нравственностью, но я отказался. Г. Вершемонъ, вы лгали, называя меня шпіономъ. Я не шпіонъ, а агентъ. Вы пожимаете презрительно плечами, точно хотите сказать, что это все равно. Неправда! Вы сравнили меня съ паукомъ. Да, я паукъ, раскидывающій свою паутину, чтобы поймать муху, несущую въ себѣ заразу язвой. Люди съ отвращеніемъ отстраняются отъ паука и спокойно смотрятъ на муху, отъ которой, можетъ быть, суждено имъ получить болѣзнь и даже смерть... Я арестовалъ эту женщину потому что она была сообщницей убійцы.

— Вы лжете! Вы лжете! вскричалъ Вершемонъ.

— Я сказалъ уже вамъ, что вы болѣе мнѣ не начальникъ, отвѣчалъ Гюре, — и прошу васъ не говорить со мною такимъ тономъ.

— Въ чемъ видите вы сообщничество г-жи Зинтской?

— Я не обязанъ отвѣчать вамъ. Я здѣсь при исполненіи моихъ обязанностей, въ силу даннаго мнѣ полномочія. Мнѣ даже слѣдовало бы выпроводить васъ отсюда, какъ человѣка, оскорбляющаго агентовъ, исполняющихъ свои служебныя обязанности. Я не обязанъ отдавать вамъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ; напротивъ, я долженъ спросить васъ, что вы дѣлаете здѣсь, въ этомъ домѣ?

— Что означаетъ эта комедія, г. Гюре?

— Мнѣ поручено произвести здѣсь обыскъ и захватить все, что мнѣ покажется подозрительнымъ. Теперь я снова прошу васъ, г. Вершемонъ, объяснить мнѣ ваше присутствіе здѣсь.

Вершемонъ пожалъ плечами, а Гюре продолжалъ:

— Я имѣю право дѣлать свои предположенія; вы производили слѣдствіе; когда я докладывалъ вамъ о дѣйствительныхъ виновныхъ, вы не хотѣли слушать меня и направляли меня въ другую сторону; сегодня, когда я, вынужденный обратиться къ императорскому прокурору, получилъ отъ него приказъ объ арестѣ главной виновницы, я нахожу васъ у нея въ домѣ. Не вправѣ-ли я заподозрѣть въ васъ ея сообщника, г. Вершемонъ?

Вершемонъ не слышалъ послѣднихъ словъ Гюре; услыхавъ, что агентъ обращался къ императорскому прокурору и что Иза арестована по его приказанію, онъ сейчасъ же задалъ себѣ вопросъ, въ чемъ могутъ обвинять его возлюбленную?

— А, вы ходили жаловаться на меня г. прокурору, сказалъ онъ.

— Я считалъ это своимъ долгомъ, отвѣчалъ Гюре.

— Слѣдовательно вамъ я обязанъ отрѣшеніемъ отъ должности.

— Очень вѣроятно. Я предлагалъ вамъ кучу доказательствъ, указывающихъ на настоящихъ виновныхъ, а вы отказывались выслушать меня.

— Доказательства противъ г-жи Зинтской? спросилъ, хмуря брови, Вершемонъ.—Вы никогда не говорили мнѣ объ нихъ.

— Вы не хотѣли слушать меня.

Сильно взволнованный, обезпокоенный, Оскаръ де-Вершемонъ пошелъ въ столовую. Гюре слѣдилъ за нимъ; онъ не могъ допустить и мысли, чтобы слѣдователь былъ сообщникомъ Изы; онъ сказалъ что-то на ухо одному изъ агентовъ; тотъ вышелъ, вскорѣ вернулся и также на ухо сказалъ нѣсколько словъ Гюре. Между тѣмъ Оскаръ налилъ въ стаканъ воды, выпилъ ее залпомъ и вернулся, нѣсколько успокоившись.

— Гюре, вы сообщили мнѣ, что я отрѣшенъ отъ должности, сказалъ онъ,—но меня объ этомъ не извѣщали.

— Ваше отрѣшеніе, подписанное сегодня, будетъ сообщено вамъ завтра.

— Такой исходъ не причиняетъ мнѣ ни радости, ни горя; я уже рѣшилъ самъ подать въ отставку въ тотъ моментъ, когда узналъ о происшедшемъ на судебномъ засѣданіи. Но въ настоящую минуту я еще нахожусь на службѣ и вы мнѣ подчинены; забывая все, что произошло между нами, я требую отъ васъ объясненія ареста г-жи Зинтской и прошу васъ познакомить меня съ доказательствами, которыя, по вашимъ словамъ, имѣются у васъ.

— Это правда, вы получите приказъ объ отрѣшеніи только завтра; вы могли бы приказывать мнѣ, если бы я не получилъ полномочія отъ вашего высшаго начальника, въ силу котораго я дѣйствую. Я могъ бы вамъ не отвѣчать, но исполню ваше желаніе потому что вы, ставъ любовникомъ Изы, сдѣлались игрушкою въ ея рукахъ.

— Гюре, прошу васъ не уклоняться въ сторону; отвѣчайте прямо на мой вопросъ; покажите мнѣ доказательства.

Агентъ, видя, какъ страдаетъ Вершемонъ каждый разъ при упоминаніи имени Изы, почувствовалъ къ нему жалость.

— У васъ не исчезли изъ памяти всѣ факты слѣдствія?

— Я все помню, отвѣчалъ Вершемонъ,—говорите.

— Припомните, что въ розыскѣ по поводу Андре Гудара, пришлось допросить кучера, возившаго преступника въ ночь преступленія; онъ показалъ, что сѣдокъ его вышелъ изъ кареты въ предмѣстьи Руль. Я снова переспросилъ кучера и тотъ показалъ, что помнитъ хорошо, что его сѣдокъ вышелъ въ Фридландской аллеѣ и вошелъ въ домъ, гдѣ жила тогда, какъ я узналъ послѣ, вдова Сегленъ.

— Въ Фридландской аллеѣ, въ домъ Изы—это невозможно.

— Я сказалъ уже вамъ, что имѣю доказательства. Этотъ человѣкъ, котораго вы освободили, сочтя его за Георгія Голеско, дѣйствительно Андре Гударъ, бывшій любовникъ г-жи Изы; у меня есть законный актъ о погребеніи Георгія Голеско, другого любовника Изы, умершаго за нее.

— Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно; у васъ нѣтъ доказательствъ того, что вы говорите.

— Я не утверждаю ничего, что не провѣрено мною тщательнымъ розыскомъ.

На Вершемона жалко было смотрѣть: такъ поразили его слова агента. Сначала онъ не хотѣлъ имъ вѣрить, сочтя ихъ клеветою; но тотчасъ же долженъ былъ сознаться себѣ, что въ нихъ есть доля вѣроятія. При этой мысли ужасъ и негодованіе выразились на его лицѣ: другой любилъ Изу и она любила этого другого; онъ вспомнилъ о цѣнѣ, которою обусловилась свобода Гудара и онъ самъ, Вершемонъ, отдалъ ей ея любовника. Она солгала, объявивъ, что его зовутъ Георгій Голеско и для этой лжи она воспользовалась именемъ своего другого любовника. Но нѣтъ, это невозможно. Какъ соединить красоту и нѣжность съ такимъ вѣроломствомъ? Нѣтъ, нѣтъ, его мозгъ отказывался этому вѣрить. Агентъ это понялъ.

— Узнавъ, что убійца вошелъ въ домъ въ Фридландской алеѣ, я, конечно, счелъ долгомъ собрать свѣдѣнія о его обитателяхъ. Я узналъ, что женщина, занимавшая квартиру, въ которую вошелъ убійца, уѣхала за-границу; узналъ, что она весьма опасное существо...

— Опасное!..

— Да. Если бы вмѣсто того, чтобы руководиться одною страстію, вы послушались голоса своего разсудка и распросили бы о ней...

— Зачѣмъ? Я знаю цѣну людскимъ пересудамъ.

— Я вижу васъ можетъ разувѣрить только осязательный фактъ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ГОТЛИБА.

Арабъ.

— Давайте же доказательства.

— Прежде всего быстрое исчезновеніе этой женщины на другой день по освобожденіи Гудара.

— Мнѣ хорошо извѣстна причина ея переѣзда на другую квартиру, сказалъ Вершемонъ съ горькой улыбкой,—и если другія доказательства ваши такого же достоинства...

— Ея движимое имущество было назначено къ продажѣ и я присутствовалъ на аукціонѣ, прервалъ его Гюре;—я купилъ корзину съ шампанскимъ, въ которой недоставало двухъ бутылокъ; шампанское имѣло марку: «Grand-Royal de Launay».

— Простое совпаденіе и только; развѣ мало бутылокъ съ этой маркой?

— Аукціонистъ выдалъ мнѣ свидѣтельство, въ какомъ состояніи я купилъ корзину съ виномъ. Потомъ я замѣтилъ, что бывшая горничная этой женщины находится тутъ же на аукціонѣ и привела съ собою какого-то купца.

При имени горничной Вершемонъ сморщилъ брови и сталъ внимательнѣе прислушиваться.

— Этотъ человѣкъ не принималъ участія въ торгѣ до тѣхъ поръ, пока не было объявлено къ продажѣ небольшое бюро-шифоньерка; горничная сдѣлала ему знакъ и, хотя я вогналъ эту вещь въ огромную цѣну, онъ все-таки купилъ ее. Это бюро очень заняло меня; если горничная заставила пріобрѣсти его за крайне-высокую цѣну, она, вѣрно, имѣла на то основательный поводъ. Навѣрное, тамъ что-нибудь запрятано, рѣшилъ я и прослѣдилъ, куда отвезли это бюро. Купецъ тотчасъ же помѣстилъ купленную вещь на выставку; я зашелъ въ магазинъ и предложилъ продать мнѣ бюро; лавочникъ отвѣтилъ, что оно уже продано. Вскорѣ подъѣхала карета, изъ которой вышли мужчина и женщина и также стали торговать бюро. Купецъ уже не говорилъ имъ, что мебель продана; онъ отдалъ имъ ее и затѣмъ бюро было отвезено къ покупателю, т. е. сюда, къ той, которой оно и прежде принадлежало.

— Этотъ купецъ живетъ въ улицѣ Сен-Гоноре.

— Да.

— Это я сопровождалъ Изу; я купилъ это бюро и вы увѣряете, что оно находилось у нея въ прежней квартирѣ, въ Фридландской алеѣ?

— У меня есть письменное показаніе торговца.

— Боже мой! Боже мой! Выходитъ все это правда. Идемъ, Гюре, идемъ!

И, взявъ канделябръ, онъ повелъ агентовъ въ верхній этажъ.

— Вотъ она, сказалъ Гюре, указывая на шифоньерку.

— Гюре, отворяйте сами; я не въ состояніи пошевелиться, сказалъ Вершемонъ.

Блѣдный, дрожащій Оскаръ передалъ канделябръ одному изъ агентовъ, а самъ упалъ въ кресло, смотря какъ Гюре, вынувшій изъ кармана связку ключей, подбираетъ ключъ, чтобы отворить шифоньерку. Скоро онъ успѣлъ въ этомъ; дверцы отворились, но въ бюро не было нечего, кромѣ почтовой бумаги съ шифромъ Изы и трехъ ящичковъ голубаго цвѣта. Агентъ ихъ открылъ. Оскаръ всталъ, чтобы посмотрѣть, что заключалось въ ящичкахъ и вскрикнулъ отъ изумленія. Въ одномъ изъ ящичковъ находился великолѣпный уборъ изъ рубиновъ и брилліантовъ; рубины были величиною почти съ орѣхъ; очевидно уборъ имѣлъ громадную цѣнность.

— Мнѣ неизвѣстны эти драгоцѣнности, сказалъ озадаченный Вершемонъ.

На лицѣ его снова появилось выраженіе бѣшенства. Кто могъ подарить Изѣ этотъ уборъ и какой цѣной заплатила она за него?

— Вы не знали о существованіи этихъ драгоцѣнностей у г-жи Изы? спросилъ его небрежно Гюре.

— Сойдясь съ г-жею Зинтской, отвѣчалъ Оскаръ,—я потребовалъ, чтобы она рѣшительно порвала со всѣмъ прошлымъ; съ этой цѣлью она оставила свою квартиру въ Фридландской алеѣ; по моему желанію она пустила въ продажу съ публичнаго торга всю свою движимость. Она оставила всѣхъ, кого знала, для того, чтобы жить со мною, съ однимъ только мною. Я даже хотѣлъ, чтобы она перемѣнила имя. Все было продано. Все, что находится здѣсь, куплено мною; вотъ почему я говорилъ, что вы не найдете здѣсь ничего. Эта шифоньерка была куплена мною потому, что Иза увѣрила меня, что любуется ею уже цѣлую недѣлю, ежедневно проѣзжая мимо магазина. Я потребовалъ, чтобы она продала всѣ драгоцѣнности. Она выбрала новыя и я купилъ ихъ ей. Я могу сказать вамъ утвердительно, что этотъ уборъ я не покупалъ, и не видѣлъ его прежде у нея.

Гюре очень внимательно слушалъ Вершемона и когда тотъ кончилъ, онъ припомнилъ, что у Леи Меданъ исчезли драгоцѣнности и ихъ нигдѣ не могли отыскать.

— Мы возьмемъ этотъ уборъ, сказалъ Гюре;—надо разузнать, какимъ образомъ онъ попалъ къ г-жѣ Изѣ.

Гюре перешарилъ во всѣхъ углахъ шифоньерки, но ничего не нашелъ. Одинъ изъ агентовъ заявилъ, что вѣроятно за зеркаломъ есть потайной ящикъ.

— Отыщите, если вы мастеръ на такія штуки, отвѣчалъ Гюре.

— Я знаю это, потому что въ молодости былъ черноодеревщикомъ.

И дѣйствительно потайной ящикъ оказался.

— Что это такое? Какіе-то пузырьки, сказалъ Гюре, вынимая небольшой ящичекъ, наполненный баночками и пузырьками и по виду напоминавшій домашнюю аптечку.—Знаете вы это? спросилъ онъ, обращаясь къ Вершемону.

— Нѣтъ.

— Присоединимъ это къ убору, сказалъ Гюре и затѣмъ вытащилъ пукъ писемъ.—Посмотримъ, что тутъ такое.

Первая бумага была написана на нѣмецкомъ языкѣ, котораго Гюре не зналъ. Но, бросивъ взглядъ на первыя слова въ письмѣ, онъ вскричалъ довольнымъ тономъ:

— Наконецъ-то!

— Что такое? спросилъ Вершемонъ.

— Взгляните! Одна строка откроетъ вамъ все. Я зналъ, что не ошибаюсь.

— Боже мой! вскричалъ Вершемонъ, прочитавъ въ оглавленіи письма «Элла Кермеданъ», а на конвертѣ: «Г-жѣ Леѣ Медань, улица Лакюэ, въ Парижѣ». На конвертѣ стоялъ штемпель прусскаго города.

— О, мой Боже! продолжалъ Вершемонъ голосомъ, въ которомъ слышались рыданія.—Значитъ все правда. Обожаемая мною женщина—чудовище, а я былъ ея игрушкой; она заставила меня прикрывать ея преступленія... О, Иза!...

— Г. Вершемонъ, судите сами свое дѣло... Вы слѣдователь и поймете его лучше, чѣмъ какіе-нибудь профаны.

Онъ приказалъ агентамъ вынести шифоньерку; онъ болѣе ничего не осматривалъ, узнавъ, что вся остальная меблировка куплена Вершемономъ. Агенты оставили Оскара на колѣняхъ, краснаго отъ горя и стыда и уткнувшаго лицо въ подушку кресла.

Они сѣли въ карету и велѣли везти себя въ префектуру.

Услыхавъ, что они уѣхали, горничная вошла въ комнату и отскочила, увидѣвъ, что Оскаръ лежитъ на коврѣ и рыдаетъ.

— Мой Боже! вскричала она.—Что съ вами? Неужели они васъ побили?

Вершемонъ не отвѣчалъ; едва-ли даже онъ слышалъ вопросъ молодой служанки. Она же, полагая, что онъ не въ состояніи подняться, предложила ему руку.

— Встаньте! Обопритесь на меня, сказала она.

Она помогла ему встать и подвела къ кушеткѣ.

— Садитесь, продолжала она,—а я побѣгу и пошлю за докторомъ.

Онъ понималъ съ трудомъ; онъ тревожно оглядывалъ служанку, точно желалъ угадать, что она сказала. Увидя, что она хочетъ уходить, онъ остановилъ ее.

— Нѣтъ, не зовите... останьтесь... мнѣ ничего не нужно.

И онъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ большимъ усиліямъ, чтобы удержать рыданія. Замѣтивъ это нѣмое горе, служанка, неумѣвшая объяснить важности происшедшаго, поняла однакожь страданія несчастнаго; ей стало такъ жаль его, что двѣ крупныя слезы скатились по ея щекамъ.

— Мужайтесь, сказала она.

— Да, отвѣчалъ онъ съ горькой улыбкой,—нужно много мужества.

— Надо подумать о графинѣ.

— Да это правда, надо подумать о ней... Нельзя-же, чтобы она провела тамъ ночь... Нѣтъ, это невозможно!.. Сойдите внизъ и прикажите живѣе запрягать.

— Сейчасъ; не печальтесь только, вѣроятно, все уладится.

И она ушла. Оставшись одинъ, Оскаръ снова заплакалъ; онъ вспомнилъ слова Гюре: «Вы слѣдователь, судите себя сами». Онъ сидѣлъ на кушеткѣ съ низко-опущенной головой и думалъ. Нѣтъ, это невозможно; это удивительное и капризное существо не можетъ быть убійцей; здѣсь, очевидно, какая-нибудь чудовищная ошибка. О, какъ онъ ненавидитъ теперь этого Гюре! Права или виновна Иза, это все равно; онъ не можетъ, онъ не долженъ ее оставить; онъ обязанъ вырвать ее изъ когтей агентовъ, высвободить изъ отвратительной тюрьмы. Но какъ это сдѣлать?

Противъ его желанія, его мысли снова обращались къ сегодняшнимъ открытіямъ. Почему она такъ заботилась объ Андре Гударѣ, лгала и такъ настоятельно желала ознакомиться со всѣми подробностями слѣдствія? Вершемонъ въ ней ни на минуту не сомнѣвался. Онъ ужаснулся теперь наглости этой женщины. Подъ кажущейся нѣжностью скрывалось преступное коварство. Это ужасно! Иза—любовница Гудара и сообщница его въ убійствѣ Леи Медань. Это невозможно, а между тѣмъ это такъ. Ревность раздирала его сердце, но не бѣшенство овладѣло имъ; нѣтъ, онъ упалъ на кушетку и съ рыданіями повторялъ:

— И все-таки я люблю эту женщину!.. Нѣтъ! она не можетъ быть виновной... Она несчастна! Андре Гударъ убійца, онъ заслуживаетъ наказанія. Но она ничего не знала; она была жертвой; она любила этого негодяя и желала его спасти... Она не могла быть сообщницей. Нѣтъ! нѣтъ! Я это докажу. Я сдѣлалъ ошибку и я ее поправлю. Я пойду къ императорскому прокурору, скажу ему все и умолю, чтобы меня не отрѣшали отъ должности, чтобы мнѣ снова поручили слѣдствіе. Мнѣ не могутъ отказать...

Онъ окончательно утратилъ здравый смыслъ, онъ былъ точно помѣшанный; онъ всталъ, отеръ глаза и зашагалъ взадъ и впередъ, говоря вслухъ, сильно жестикулируя, точно онъ обращался къ существу, видимому только ему одному.

— Я слѣдователь... я исполню свою обязанность... Если она виновна, я предамъ ее правосудію... Но дайте мнѣ дѣйствовать самостоятельно и не держите ее взаперти по наговору шпіона.

Онъ остановился, оперся на дверь и схватился рукою за лобъ. Въ нѣсколько секундъ предъ нимъ прошли всѣ событія его жизни съ того дня, когда онъ въ первый разъ увидѣлъ Изу у нея на балу. Онъ начиналъ понимать, что всѣ ухищ-

ренія Изы клонились къ тому, чтобы «спасти Гу-дара». Согласившись наконецъ, что онъ былъ одураченъ, онъ съ отчаяніемъ опустилъ голову.

Кто-то тронулъ его за плечо; онъ обернулся и, узнавъ Матье дю Тальи, бросился ему на шею.

— Ахъ! мой учитель! вскричалъ онъ. — Пожалѣйте меня; я виновенъ, но я очень несчастливъ!

(*Продолженіе будетъ.*)



Осужденный на голодную смерть и Арабъ. У насъ въ рукахъ имѣется цѣлый рядъ произведеній Я. Матейко, изъ которыхъ въ прошломъ нумерѣ нашего журнала мы помѣстили «украинскаго пѣвца былинъ», въ настоящемъ же нумерѣ помѣщаемъ «осужденнаго на голодную смерть»—страницу изъ средневѣковыхъ нравовъ, когда людей еще сажали въ подвальные склепы, гдѣ они и оканчивали свой печальный вѣкъ. Я. Матейко, какъ мы уже говорили, принадлежитъ къ числу самыхъ крупныхъ европейскихъ художниковъ. Въ тоже время онъ и хорошій учитель живописи и въ числѣ его учениковъ есть не мало талантливыхъ личностей. Одною изъ такихъ подававшихъ сильныя надежды личностей былъ ученикъ Я. Матейко Готлибъ. Это былъ молодой бѣднякъ, перебивавшійся коекакъ, чтобы поддержать свое существованіе и существованіе своей семьи. Несмотря на бѣдность, онъ быстро шелъ впередъ и задумывалъ картины, широкія по замыслу и размѣрамъ. Такъ въ послѣднее время онъ началъ картину Христосъ въ Капернаумѣ. Знавшіе Готлиба ждали, что это произведеніе будетъ не дюжинное. Онъ самъ писалъ о немъ съ большимъ одушевленіемъ, какъ вдругъ получается извѣстіе, что горловая жаба задушила Готлиба... Изъ числа картинъ этого недавно умершаго молодого художника мы помѣщаемъ этюдъ «арабъ»—очень типичное лицо красавца и царя песчаныхъ пустынь.

Людовикъ святой, освобождающій узниковъ. Милосердіе Людовика Святого нерѣдко служило и служитъ темой для картинъ французскихъ художниковъ исторической школы. Одною изъ картинъ, написанныхъ на эту тему, является картина Мерсона, изображающая Людовика Св. еще мальчикомъ, когда онъ подъ вліяніемъ одного изъ величайшихъ чувствъ—милосердія, выпускаетъ изъ темницы преступниковъ. Картина полна движенія и трогательныхъ сценъ. Смотря на это произведеніе, невольно сравниваешь, какъ далеко ушла французская живопись въ какія-нибудь пятьдесятъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, когда одинъ изъ довольно талантливыхъ французскихъ художниковъ Гране коснулся той же темы «Людовикъ Святой, освобождающій плѣнныхъ». Въ сухой, чисто академической композиціи Гране нѣтъ ни одного проблеска чувства или свободы движенія, тамъ все деревянно и казенно.

Псовая охота. Конечно, наши читатели знаютъ сатирическое стихотвореніе Н. Некрасова «Псовая охота», заканчивающееся насмѣшливымъ замѣчаніемъ поэта:

Кто же охоты собачьей не любитъ,
Тотъ въ себѣ душу заспитъ и погубитъ...

Герой этой поэмы—сѣдоусый баринъ, грозный осанкой, съ властительнымъ взглядомъ, баринъ, у котораго слуги—молодецъ къ молодцу:

Хоть и худеньки у многихъ подошвы
Да въ сюртукахъ за то желтыя прошвы,
Хоть съ толокна животы подвело—
Да въ позументахъ подъ каждымъ сѣдло.

Г. Кеппенъ въ своей иллюстраціи къ этому юмористическому стихотворенію покойнаго поэта изобразилъ ту минуту когда

Баринъ проснулся, съ постели вскочилъ,
Въ туфли обулся и въ рогъ затрубилъ.
Вздрогнули сонные Ваньки и Гришки,
Вздрогнули всѣ до грудного мальчишки...

Обстановка помѣщичьей спальни очень вѣрно схвачена художникомъ и въ нашемъ воображеніи невольно встаютъ изъ прошлаго другія такія комнаты, видѣнныя нами въ помѣщичьихъ домахъ средней руки.

Нормандскій видъ. Мы уже говорили о госпожѣ Куріаръ, когда помѣстили ея видъ Петербурга, и потому намъ нечего распространяться здѣсь о характерѣ ея картинъ. Нормандскій видъ является произведеніемъ крайне простымъ, безпритязательнымъ, не бьющимъ на эфектъ, но онъ очень вѣрно передаетъ впечатлѣніе, оставляемое нормандскимъ прибрежьемъ, съ яркожелтымъ пескомъ, съ густою, сочною зеленью, съ игрой свѣта и тѣни.

Смѣсь.

— Еще самосожженіе. Въ «Нов. Вр.» напечатано слѣдующее письмо изъ Житоміра въ «Pet. Zeit.» «Въ здѣшній «Hôtel de France» прибылъ на дняхъ какой-то пріѣзжій изъ Кіева. Нѣсколько дней ходилъ онъ безъ устали по улицамъ города, а третьяго дня вечеромъ заперся у себя въ комнатѣ. Такъ какъ было уже поздно, а онъ все не выходилъ, то къ нему начали стучаться, звать его и наковецъ выломали двери. Глазамъ вошедшихъ представилось ужасное зрѣлище. На доскахъ кровати, съ которой матрацъ былъ снятъ, лежалъ на спинѣ квартирантъ совершенно нагой, только ноги его прикрыты были простынею. Лѣвая рука его прижата была къ сердцу, правая закоченѣла въ густыхъ черныхъ волосахъ, глаза были широко раскрыты, черты лица страшно искажены. На тѣлѣ не было замѣтно никакой раны, только по груди шли темнокрасныя полосы. Комната полна была удушающимъ смрадомъ, какъ будто отъ перегорѣлаго жира. Тотчасъ позвали врача и полицію, трупъ перевернули—и тогда только открылся весь ужасъ обстановки, при которой совершено было самоубійство: посреди спиннаго хребта оказался глубокій прожогъ. Средняя часть спиннаго хребта почти обуглилась, кругомъ по всей спинѣ шли глубокія раны отъ обжога. На полу были слѣды отъ трехъ свѣчь, прикрѣпленныхъ одна возлѣ другой прямо въ полъ безъ подсвѣчниковъ. Возлѣ кровати, на столѣ лежала рукопись, въ которой обозначена причина самоубійства, съ описаніемъ подробностей. Рукопись написана попеременно на нѣмецкомъ, русскомъ, польскомъ и чешскомъ языкахъ. Содержаніе ея слѣдующее (по-нѣмецки): «Я думалъ, пройдетъ; не проходитъ! Пусть же будетъ такъ! Я этимъ рѣшу одинъ вопросъ. Сумасшедшіе-ли самоубійцы или они дѣйствуютъ въ здравомъ разсудкѣ? Такъ спрашиваютъ обыкновенно, но мнѣ кажется вопросъ не въ томъ. Человѣкъ рѣшается покончить съ жизнью тогда только, когда она уже не представляетъ ему ровно никакого интереса, когда во всемъ мірѣ нѣтъ ничего способнаго вызвать его сочувствіе. Поэтому дѣло не въ томъ, есть-ли у самоубійцы разумъ или же онъ сумасшедшій, а въ томъ, ждетъ-ли онъ чего-нибудь отъ жизни или нѣтъ. Я не жду отъ жизни ничего, но разумъ мой не помраченъ»; (по-русски): «Нужно рѣшить еще одинъ вопросъ»; (по-нѣмецки): «Трусы-ли самоубійцы?» Влюбленный, который недавно въ Чехіи заставилъ въ глазахъ своей возлюбленной лошадь свою заволочить себя внизъ головою по землѣ до смерти, не можетъ служить доказательствомъ противнаго. Онъ привязалъ ноги къ стременамъ; можетъ быть онъ отвязался бы, еслибы это было въ его власти. Тотъ, который сжегъ себя въ Одессѣ былъ можетъ быть не трусъ—онъ могъ бы отставить лампу и такимъ образомъ спастись. Но съ другой стороны платье на немъ горѣло, солома кругомъ его пылала; можетъ быть онъ и хотѣлъ спастись, но это было уже не въ его власти. Если подвергнуть спинной хребетъ и спинной мозгъ дѣйствію зажженной свѣчи, смерть конечно послѣдуетъ, но она должна быть сопряжена съ сильной болью и страдалецъ, если надъ нимъ нѣтъ иной власти, кромѣ собственной воли, можетъ каждую минуту спастись; для этого стоитъ ему только чуть-чуть повернуться. Я подвергну себя этому мученію; (по-русски): «Если я не выдержу боли, то вопросъ, трусы-ли самоубійцы, рѣшенъ будетъ по крайней мѣрѣ на этотъ разъ утвердительно. Если же найдутъ мой трупъ, если смерть моя будетъ причинена двумя факторами, горящими свѣчами въ качествѣ исполнительныхъ орудій, и моею всесильною волею, которая не отступаетъ передъ болью, значитъ будетъ доказано что мы свободны умереть, когда захотимъ. Иду!»—Все это было написано на одной страницѣ твердымъ, скорымъ почеркомъ; на другой написано было дрожащею рукою, неровно и очень неразборчиво. «Посреди ужасныхъ страданій я встаю... но боли не такъ сильны, какъ я представлялъ себѣ. Встаю не для того, чтобы спасти себя, нѣтъ, жизнь мнѣ противна какъ и прежде, но я хочу (по-чешски) проститься съ вами въ послѣдній разъ, отецъ мой и мать моя. Вамъ посвящены мои послѣднія воспоминанія, мои послѣднія чувства. Думаю также и о той, которая сдѣлалась безсознательно виновницею моей смерти. Говорю безсознательно, она не знала что любовь ея для меня жизненная потребность. Я умираю безъ любви ея, какъ рыба безъ воды, какъ божія тварь безъ воздуха... мнѣ дышать печѣмъ. Прощайте! Вы скоро послѣдуете за мною. Мысль о васъ—вѣдь вы одни меня любите, долго удерживала меня отъ рѣшимости покончить съ собою. Но долѣе я не могу переносить жизни. Послѣдовать за усопшимъ такъ легко. Но лучше будетъ, если вы всѣ меня забудете и перестанете думать обо мнѣ!.. Я умру, задуманное удастся мнѣ навѣрное... Самое тяжкое уже пережито... боль ослабѣваетъ... я уже освоился съ нею... (по-нѣмецки): Повторяю, я увѣренъ что я въ полномъ сознаніи... сердце мое бьется почти такъ же спокойно, какъ обыкновенно, но пульсъ нѣсколько потревожнѣе. Бѣдный Вертеръ! его еще интересовало звѣздное небо. И я смотрѣлъ на небо, но тамъ пусто, какъ и здѣсь на землѣ, какъ и вездѣ, какъ и во мнѣ самомъ и въ моей жизни; (по-польски): «Иду опять на свою оригинальную, тихо горящую постель. Подъ свѣчи приходится сдѣлать подставки. Только одно огорчаетъ меня: нельзя умереть благородно и изящно... Противный запахъ отъ собственнаго моего горящаго тѣла мнѣ противенъ»; (по-чешски): «Матушка, батюшка! До свиданія! Простите мнѣ!» (по-нѣмецки, очень неразборчиво). «Можетъ быть я бы долженъ былъ также написать что прощаю существу, виновному въ моей смерти. Но это была бы ложь. Проклинаю ее, и если духи имѣютъ власть возвращаться и на землю и пугать людей въ образѣ привидѣній, о! тогда я приду къ ней и не дамъ ей ни минуты покоя. Ей было такъ легко сдѣлать меня счастливымъ, или по крайней мѣрѣ довольнымъ! Если бы я могъ остаться въ живыхъ, я бы жилъ для того только чтобы мстить ей... но я иду на вѣчный покой, и послѣднее мое дыханіе будетъ ей проклятіемъ». На столахъ и на диванѣ были разбросаны различные документы и письма, изъ которыхъ оказывается, что несчастнаго звали Іосифъ О. и что онъ былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ у многихъ колонистовъ; судя по паспорту ему было 35 лѣтъ. Хотя покойный въ своемъ предсмертномъ посланіи всячески старался доказать, что онъ въ здравомъ умѣ, но все показываетъ что онъ страдалъ сильнымъ душевнымъ разстройствомъ.

— Перехожая школа. По словамъ «Голоса», подлѣ Петербурга, въ Новой деревнѣ существуетъ замѣчательная школа. Эта «перехожая школа» возникла по самостоятельному почину крестьянъ. Учитъ въ ней 15-ти-лѣтній крестьянскій мальчикъ, г. Зверевъ, только-что окончившій курсъ въ денисовской народной школѣ. Онъ получаетъ жалованья 2 рубля въ мѣсяцъ, на готовомъ содержаніи крестьянъ, при готовомъ помѣщеніи. Школа называется «перехожею» потому, что учитель ежедневно переходитъ съ учениками изъ одной хаты въ другую; хозяинъ той хаты, гдѣ происхо-

дитъ въ данный день ученіе, кормитъ учителя. Новодеревенскіе крестьяне отнеслись къ ученію дѣтей очень серьезно и строго. Не довѣряя такого важнаго дѣла 15-тилѣтнему мальчику, они пригласили учительницу сосѣдней денисовской школы, г-жу Богословскую, пользующуюся большимъ уваженіемъ крестьянъ, «навѣщать школу, доглядывать за обученьемъ ребятъ парнишкой». Каждую недѣлю, по субботамъ, новодеревенцы посылаютъ за г-жею Богословскою нарочную подводу; каждую субботу г-жа Богословская провѣряетъ результаты занятій г. Звѣрева, руководитъ имъ. По заявленію вполнѣ компетентныхъ лицъ, новодеревенская «перехожая школа» ведется 15-ти-лѣтнимъ крестьянскимъ «парнишкою» хорошо, толково, энергично. Любятъ новодеревенцы и свою школу, и своего импровизованнаго учителя. Иногда цѣлою гурьбою присутствуютъ они при ученіи, терпѣливо просиживаютъ цѣлые часы, храня гробовое молчаніе, пока идутъ «классы», какъ называютъ они ученіе. Достойнѣйшій примѣръ любовнаго, почтительнаго отношенія къ ученію!

— **Преобразованіе духовныхъ училищъ.** Учебный комитетъ святѣйшаго синода, по словамъ «Новаго Времени», занятъ, между прочимъ, разсмотрѣніемъ проекта преобразованія духовныхъ уѣздныхъ училищъ въ просеминаріи. Это преобразованіе предположено ввести съ будущаго года и притомъ во всѣхъ епархіяхъ. Курсъ этихъ новыхъ учебныхъ заведеній будетъ соотвѣтствовать курсу прогимназій, что вызоветъ нѣкоторые расходы сверхъ нынѣ отпускаемой на содержаніе ихъ суммы. Преподавателями въ просеминаріяхъ предполагается назначать лицъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а не въ однѣхъ только семинаріяхъ.

— **Крупное пожертвованіе.** «Недавно въ чембарскомъ уѣздѣ умерла помѣщица, оставившая послѣ себя своимъ бывшимъ крестьянамъ, по завѣщанію, помимо близкихъ родственниковъ, землю, чистую отъ залога, и капиталъ, для выкупа крестьянскаго надѣла. Сверхъ того, она завѣщала 10,000 руб. на построеніе церкви, такъ какъ бывшая въ ея имѣніи деревянная сгорѣла, 8,000 руб. на содержаніе училища для крестьянскихъ дѣтей и, кажется, 5,000 руб. на содержаніе акушерки въ томъ же селѣ.

— **Экспедиція въ Новую Гвинею.** На американской шхунѣ Saddie T. Caller, капитанъ Веберъ, снаряженной для 12-ти мѣсячнаго плаванія, отправилась недавно изъ Сиднея въ Новую Гвинею ученая и торговая экспедиція; ей поручено прежде всего посѣтить бухту Астролябіи и здѣсь ознакомиться со всѣмъ берегомъ, съ цѣлію завести торговыя сношенія съ туземцами. Въ числѣ членовъ этой экспедиціи находятся Миклуха-Маклай, извѣстный русскій ученый и путешественникъ, Брюно, первый, старавшійся завести торговлю съ этой страной, капитанъ Леманъ, много плававшій въ этихъ водахъ, и капитанъ Веберъ, владѣлецъ судна.

— **Замѣчательныя бани.** По словамъ «Голоса» въ Петербургѣ нынѣшнею осенью послѣдуетъ открытіе общественныхъ бань, построенныхъ комерціи совѣтникомъ Егоровымъ, въ Казачьемъ переулкѣ, близъ Загороднаго проспекта. По своей обширности, устройству, внѣшней и внутренней отдѣлкѣ и обстановкѣ, бани эти превосходятъ все существующее до сихъ поръ въ подобномъ родѣ нетолько въ Россіи, но и заграницею. При нихъ, кромѣ нѣсколькихъ отдѣленій съ ваннами, басейнами, душами, фонтанами и т. п., будетъ, говорятъ, роскошная гостиница, акушерскій и медицинскій кабинеты, телеграфная станція, кабинетъ для чтенія, посыльные и проч. Проектъ бань удостоенъ на послѣдней вѣнской выставкѣ золотой медали и пріобрѣтенъ г. Егоровымъ за 100,000 руб.; и такъ какъ со времени названной выставки прошло уже нѣсколько лѣтъ, техника и архитектурное искуство подвинулись впередъ, то въ проектѣ бань пришлось сдѣлать многія измѣненія и улучшенія, что также, кромѣ времени, потребовало немалыхъ затратъ. Общая стоимость бань, говорятъ, простирается до четырехъ мильйоновъ рублей.

— **Примѣненіе телефона.** По словамъ «Русскихъ Вѣдомостей», практическое примѣненіе телефона можно видѣть, между прочимъ, въ петровской академіи, гдѣ на разстояніи около версты, между кабинетомъ професора земледѣлія и опытнымъ полемъ протянутъ телефонъ, дѣйствующій весьма удовлетворительно. Професоръ, сидя въ кабинетѣ, направляетъ работы на опытномъ полѣ, а его асистентъ, въ случаѣ надобности, обращается за совѣтами къ професору.

— **По поводу электрическаго освѣщенія.** Эдисонъ устранилъ недавно дороговизну своего электрическаго освѣщенія. Его лампы, цѣны которыхъ, изъ-за входившей въ ихъ конструкцію платины, доходили до нѣсколькихъ доларовъ, продаются теперь за 56 центовъ. Онъ замѣнилъ платину смѣсью другихъ металовъ, и сдѣлалъ такимъ образомъ свои лампы доступными для лицъ, употребляющихъ газъ.

— **Освѣщеніе электричествомъ Ніагарскаго водопада.** Американцы собираются освѣтить электричествомъ Ніагарскій водопадъ. Освѣщеніе надъ водою и подъ нею будетъ сильнѣе луннаго, не будетъ зависѣть отъ погоды и, вѣроятно, привлечетъ множество любопытныхъ.

— **Компасъ и предохранительный звонокъ.** «Scientific American» сообщаетъ, что англичанинъ, Генрихъ Севернъ, сдѣлалъ удачное примѣненіе компаса для тревоги на судахъ. Дѣло въ томъ, что на нижнемъ, неподвижномъ дискѣ компаса, устанавливаютъ, подъ извѣстнымъ угломъ, два металическихъ индекса, сообщающихся посредствомъ проволоки съ электрическимъ звонкомъ. Когда рулевой зазѣвается и стрѣлка перейдетъ назначенный румбъ, она прикасается до одного изъ этихъ индексовъ, и происходящее отъ этого соединеніе полюсовъ батареи, заставляетъ дѣйствовать электрическій звонокъ въ каютѣ капитана или дежурнаго офицера.

— **Дорогое платье.** Одной парижской модисткѣ было заказано подвѣнечное платье для брестской щеголихи. Сшивъ платье, швея относитъ его на желѣзную дорогу, но поѣздъ только-что отъѣхалъ... Чтобъ не потерять практику, изъ-за своей оплошности, догадливая модистка, не долго думая, нанимаетъ за 2,500 франковъ отдѣльный поѣздъ и платье поспѣваетъ къ вѣнцу.

— **Расчетливость.** Скряга рѣшился по просьбѣ жены дать обѣдъ своимъ друзьямъ и знакомымъ. На другой день, онъ, чуть не со слезами на глазахъ, сводилъ счеты издержекъ, сдѣланныхъ по этому случаю.

— Не печалься, мой другъ, замѣтила ему жена,— это въ первый и въ послѣдній разъ.

— Еще бы! отвѣчалъ онъ ей съ упрекомъ,— знаешь-ли ты, что если бы мы тратили каждый день то, что мы проѣли вчера, намъ бы пришлось просить милостыню черезъ сто лѣтъ. Я это сейчасъ высчиталъ.

— **Истребленіе дикихъ звѣрей.** Дикіе звѣри въ Алжирѣ мало-по-малу исчезаютъ. Французское правительство платитъ охотникамъ 50 франковъ за каждаго убитаго льва или пантеру, и 2 франка за каждаго шакала. Въ прошломъ году заплочено премій за 53 льва, 49 львицъ, 530 пантеръ, 1,072 гіены и 14,784 шакала.

— **Пожилая черепаха.** Въ іюнѣ 1879 года, въ рѣкѣ св. Іоанна, во Флоридѣ, поймали черепаху; на ея верхнемъ щитѣ былъ вырѣзанъ гербъ Испаніи и надпись: «Поймана въ 1700 году. Эрнандо Гомезъ». Почтенную старушку пустили обратно въ рѣку съ новой надписью: «Eastern Herold». Флорида. 1879».

— **Выпутался.** Одинъ путешественникъ, пріѣхавшій въ Константинополь, забрелъ случайно въ садъ Магомета II, куда иновѣрцамъ, подъ страхомъ смертной казни, запрещено было входить. Туриста схватили и привели къ султану.

— Что съ тобой будетъ сегодня? спросилъ у него послѣдній. А затѣмъ онъ прибавилъ:

— Если ты солжешь, тебя бросятъ въ воду, а если скажешь правду—тебя повѣсятъ!

— Меня утопятъ! отвѣтилъ не думая путешественникъ, и этимъ отвѣтомъ онъ спасъ себѣ жизнь:—топить его нельзя было, потому что въ такомъ случаѣ отвѣтъ его оказался бы правдой, а вѣшать тоже было бы противно условію, по которому за ложь его должны были бросить въ воду.

— **Кому легче выйдти замужъ: брюнеткѣ или блондинкѣ?** По увѣренію газеты «France», въ Англіи все чаще начинаетъ встрѣчаться темный цвѣтъ волосъ, и англійскія невѣсты имѣютъ шансы тѣмъ скорѣе выйдти замужъ, чѣмъ болѣе удаляется цвѣтъ ихъ волосъ отъ бѣлокураго и рыжаго. Изъ 737 англичанокъ оказалось 33 рыжихъ, 95 бѣлокурыхъ, 240 свѣтлокаштановыхъ, 336 темнокаштановыхъ и 33 черныхъ. Между бѣлокурыми было 55 процентовъ замужнихъ женщинъ; между черными—79 процентовъ, между свѣтлокаштановыми — 60 процентовъ и между темнокаштановыми—69 процентовъ.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 33-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 18-го августа въ 6 часовъ 20 минутъ утра, на иногороднюю почту 19-го августа въ 12 часовъ пополудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель Н. И. Шульгинъ.
Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

Дозволено ценсурою. С-Петербургъ, 24 Августа 1879 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., № 12.)